

K-14038

-14032

П305009

П305009/233

ВЕСТНИК

ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№ 233

XXVI СЪЕЗД КПСС И АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ

1982

1 р.

Вестн. Харьк. ун-та, № 233, 1—104.

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР

ВЕСТНИК ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 233

XXVI СЪЕЗД КПСС И АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Основан в 1965 г.

ХАРЬКОВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРИ ХАРЬКОВСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
«ВИЩА ШКОЛА»
1982

В вестнике в свете решений XXVI съезда КПСС освещаются актуальные вопросы марксистско-ленинской философии. Рассматриваются методологические проблемы исследования структуры общественных отношений, тенденции развития инженерно-технической интеллигенции, некоторые аспекты теоретико-методологических основ эстетического воспитания, формирования нового человека, потребности в труде, подвергаются критике некоторые антимарксистские взгляды и др. Для научных работников и преподавателей вузов. Списки лит. в конце статей.

Редакционная коллегия: А. Ф. Плахотный (отв. ред.), О. Г. Берзин, Ю. Ф. Бухалов, Л. Н. Дениско, А. А. Иванищенко, А. А. Мамалуй, В. П. Педан

Печатается по решению кафедры философии (протокол № 11 от 22 марта 1981 г.)

Адрес редакционной коллегии: 310077, Харьков-77, пл. Дзержинского, 4, госуниверситет, кафедра философии, тел. 40-17-12.

Редакция гуманитарной литературы

В 10501—076
М226(04)—82 без объявл.

© Харьковский
государственный
университет, 1982

Библиотека наукова
ХДУ
Інв. № 305009

Л. С. ДИДОРЧУК, канд. филос. наук

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СВЕТЕ РЕШЕНИЙ XXVI СЪЕЗДА КПСС

Совершенствование общественных отношений развитого социалистического общества, перерастание их в коммунистические с необходимостью ставят задачу дальнейшего исследования методологических проблем теории общественных отношений. Особая актуальность и основные направления ее разработки определяются решениями XXVI съезда КПСС. В Отчетном докладе ЦК КПСС съезду на основе глубокого теоретического осмысления сущности развитого социалистического общества, опыта коммунистического строительства не только подтверждены, но и получили дальнейшую конкретизацию положения о возрастающей взаимозависимости экономических, социальных, политических, духовных процессов общественного развития на современном этапе. В связи с этим партия уделяет постоянное внимание развитию социально-классовой, национальной структур советского общества, совершенствованию политической системы, социалистического образа жизни [3], всестороннему учету взаимодействия всех этих факторов. Это нашло свое конкретное выражение в идее комплексного подхода в решении актуальных вопросов созидания коммунистического общества. Идея комплексного подхода в материалах XXVI съезда КПСС развита до постановки конкретных практических задач по использованию экономических, социальных, политических условий, духовно-идеологического потенциала в реализации планов развития СССР в одиннадцатой пятилетке и в период до 1990 г.

Практические задачи по комплексному исследованию, учету взаимосвязи различных общественных процессов требуют более углубленного исследования общественных отношений как целостной системы, анализа взаимодействия составляющих ее элементов, все более полного раскрытия содержания отдельных видов общественных связей и процессов. Советские философы ведут активную разработку многих из названных проблем [4; 5; 6; 7; 9; 13; 16]. Вместе с тем эти исследования обнаружили необходимость дальнейшего изучения вопросов классификации общественных отношений, содержания ряда важных общественных процессов, определения их специфики. Большинство авторов в основу структуры общественных отношений положено разделение общества на относительно самостоятельные сферы:

экономическую, социальную, политическую и духовную [6; 13; 15; 16]. Однако выделение отдельных видов отношений соответственно названным сферам, как и самих сфер, вызывает определенные споры [9; 11]. При этом наблюдается различное «прочтение», истолкование ряда положений, высказываний классиков марксизма, относящихся к содержанию тех или иных процессов, сфер общественной жизни, и в первую очередь к известному положению Маркса о том, что «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» [1, т. 13, с. 7]. Все это требует новых серьезных исследований содержания названных процессов в том объеме и смысле, который вложен в марксову формулу. Но именно такой анализ в рамках теории общественных отношений пока не реализован в полной мере. Определение отдельных из названных процессов или сфер как основания соответствующих видов отношений осуществляется в ряде случаев без учета специфики связей между ними. Так, например, вполне логичным представляется включить в понятие политических отношений общественные связи как практические, так и теоретические, имеющие политическое содержание. С этой точки понятна позиция А. П. Машкова, определяющего политические отношения не только как отношения к государственной власти, но и «...отношения в области политической идеологии, ее развития, пропаганды и претворения в жизнь» [13, с. 28]. Но при этом А. П. Машков, классифицируя общественные отношения и стремясь использовать марксову формулу, наряду с отношениями политическими называет отношения духовные. Возникает вопрос: разве в духовные отношения не входят связи в области политической идеологии? Почему они включены в отношения политические и исключены из отношений духовных? Надо полагать, что, формулируя основной социологический закон, Маркс вкладывал в политический процесс более узкое содержание. Это можно понять только при целостном рассмотрении основного социологического закона.

Так же обстоит дело и с определением социальной сферы, социальных отношений. Попытки обнаружения содержания данных понятий без специального исследования приводят или к широкому толкованию социальных связей, или значительно затрудняют аргументацию, правомерность определений более узкого, специфического смысла социальных отношений, не получая для этого достаточных оснований. Как отмечается в нашей литературе, вопрос о содержании социальных отношений продолжает оставаться актуальным [8].

Изучение теоретического наследия основоположников марксизма-ленинизма, в частности философских проблем «Капитала» К. Маркса, все более убедительно свидетельствует о том, что в основу выделенных Марксом процессов общественной жизни положены не формально-логические принципы, преобла-

дающие пока в классификации общественных отношений, а диалектика восхождения от абстрактного к конкретному. Внутренняя структура плана «Капитала» предполагает не что иное, как последовательное разворачивание в систематически проведенную на конкретно-историческом материале целой общественно-экономической формации теоретическую концепцию основного законоположения исторического материализма — «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» [12, с. 74] и что логика «Капитала» — это логика восхождения от абстрактных, простейших определений общественного бытия буржуазной формации к его сущностным определениям, а затем к социально-классовой и государственно-политической формам и в конечном счете к буржуазному сознанию [Там же, с. 66, 69]. В этих положениях заключен методологический ключ к раскрытию содержания отдельных видов общественных отношений, их взаимодействия.

В соответствии с данной методологической установкой могут быть поняты многие конкретные высказывания классиков марксизма-ленинизма о тех или иных процессах общественной жизни, содержания отдельных видов взаимосвязей. Обращение к работам Маркса, Энгельса и Ленина свидетельствует о том, что социальный процесс занимает специфическое место в системе общественных явлений. Эта специфичность заключается в первую очередь в том, что социальный процесс как процесс дифференциации общества на определенные социальные группы, их развитие, функционирование находится в непосредственной связи с экономическими отношениями. Социальный процесс в указанном выше значении не просто продукт, результат экономического развития, — он независим от сознания людей и является проявлением и воплощением экономических отношений, одной из их сторон. Это положение не нашло, однако, еще отражения в определении социальной структуры общества. Причина этого кроется в попытках увидеть в социальной структуре и элементы надстроечного характера.

К. Маркс в своих ранних работах одним и тем же термином «гражданское общество» обозначал как систему производственных отношений, так и социальную структуру общества как совокупность различных социальных групп [1, т. 27, с. 402]. В связи с этим представляется необходимым в определение понятия социальной структуры общества включить положение об объективном характере ее становления. Социальная структура общества — это система общественных групп, складывающихся независимо от сознания людей на основе определенного способа производства материальных благ.

Чрезвычайно важными для понимания связи между экономическими и социальными явлениями являются многие положения из произведений Ф. Энгельса. Некоторые из них пред-

ставляется необходимым привести в настоящей статье. Характеризуя сущность пролетарского понимания и требования равенства членов общества, его отличие от буржуазного, Ф. Энгельс пишет, что «...равенство должно быть не только мнимым, оно должно осуществляться не только в сфере государства, но и быть действительным, оно должно проводиться и в общественной, экономической сфере» [1, т. 20, с. 108]. И далее — «...с тех пор, как французская буржуазия, начиная с Великой революции, выдвинула на первый план гражданское равенство, — французский пролетариат немедленно вслед за этим ответил ей требованием социального, экономического равенства...» [1, т. 20, с. 108]. Очевидно, не следует торопиться с выводом о том, что Ф. Энгельс отождествляет экономическое и социальное, но, несомненно, приведенные высказывания являются указанием на органическую, неразрывную связь между ними. Вне учета связи экономических и социальных явлений нельзя понять сущность и место социального в его специфическом значении, определить содержание социальных отношений, поскольку последние должны, вероятно, также выводиться непосредственно из экономических отношений, быть объективным их результатом.

В классово-антагонистическом обществе социальным выражением экономического развития являются отношения господства и подчинения, в социалистическом обществе — отношения равенства. Эти отношения приобретают с необходимостью политические и духовно-идеологические формы, закрепляющие социально-экономические связи. Имея свои объекты (государство, политическую власть в целом, определенные идеологические концепции, идеи, теории), они становятся относительно самостоятельными процессами, сферами общественной жизни и вместе с тем являются социальными не только потому, что принадлежат обществу, но и потому, что являются средством реализации классовых интересов, их выражения. Тем самым в полной мере согласуется положение Маркса о социальном процессе, существующем наряду с политическим, духовным, и утверждение, что политические явления являются, безусловно, и социальными.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Материалы XXVI съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1981.—224 с. 4. Актуальные проблемы теории общественных отношений. — В кн.: Методологические проблемы общественных наук. — М., 1979, с. 75—85. 5. Айзикович А. С. Некоторые вопросы теории общественных отношений. — Филос. науки, 1979, № 6, с. 27—37. 6. Белых А. К. Политическая организация общества и социалистическое управление. — Л., 1967. — 215 с. 7. Буева Л. П. Человек: Деятельность и общение. — М.: Мысль, 1978.—215 с. 8. Волков Ю. Е. XXV съезд КПСС и теоретические проблемы социальной политики. — Вopr. философии, 1976, № 7, с. 3—15. 9. Дроздов А. В. Человек и общественные отношения. — Л., 1966.—214 с. 10. Категории исторического материализма. — М., 1980.—351 с. 11. Кривушин Л. Т. К вопросу о социальной

структуре социалистического трудового коллектива. — В кн.: Человек и общество. — Л., 1968, с. 3—15. 12. Мамалуй А. А. Методология «Капитала» К. Маркса и системное единство диалектического и исторического материализма. — Харьков: Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те, 1979.—160 с. 13. Машков А. П. Развитие общественных отношений в период перехода от социализма к коммунизму. — Л., 1965.—132 с. 14. Перфильев М. Н. Общественные отношения. — Л., 1974.—236 с. 15. Рожин В. П. Введение в марксистскую социологию. — Л., 1962.—159 с. 16. Тугаринов В. П. Соотношение категорий исторического материализма. — Л., 1958.—118 с.

Поступила в редколлегию 21.04.81.

Ю. П. ПЯТИН

XXVI СЪЕЗД КПСС О ФОРМИРОВАНИИ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА

Определяя очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики, XXVI съезд КПСС, наряду с проблемами экономического и социально-политического характера, уделил большое внимание вопросам духовного развития советского общества, формированию нового человека.

Постановка и рассмотрение проблемы личности не ограничивается только специальным разделом Отчетного доклада ЦК КПСС XXVI съезду партии. Она органически включена в общую программу совершенствования общественных отношений развитого социализма и выступает как важнейшее условие осуществления этой программы. Партия исходит из того, что «в условиях зрелого социализма все теснее становится взаимосвязь прогресса экономики с социально-политическим и духовным прогрессом общества» [3, с. 52]. На этапе развитого социализма реализуется возможность для создания «полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества» [2, т. 6, с. 232]. Выполнение этих ленинских положений требует тесного единства «идейно-теоретической, политико-воспитательной, организаторской и хозяйственной работы партии» [3, с. 77].

Грандиозность масштабов предстоящих свершений требует дальнейшего усиления воспитательной работы. Имеется в виду воспитание трудовое, нравственное и идейно-политическое. Анализ материалов съезда позволяет выделить три основные группы качеств, формирование которых у советских людей приобретает на современном этапе коммунистического строительства первостепенное значение.

Во-первых, профессионально-деловые качества и черты личности зрелого социализма: профессиональная зрелость, культура труда, трудовая активность, деловитость, бережливость, ответственное отношение к труду, социалистическая предприимчивость, творческий, подлинно коммунистический труд. Выдвигая на первый план необходимость выработки этих качеств, съезд исходил из того, что в условиях развитого социализма изменяется характер и содержание труда, а это требует высокой

профессиональной подготовленности личности, умения гармонически сочетать физический и умственный труд [3, с. 53]. Главная задача трудового воспитания состоит в том, чтобы формировать поколение людей, знающих дело, любящих труд и умеющих работать.

Важным показателем общественно-политической и нравственной зрелости человека являются его отношение к труду, профессиональная зрелость, которая «предполагает сознательную ориентацию личности на выработанные в живом опыте профессионального общения и апробированные общественным мнением требования данной профессии» [5, с. 58].

Важнейшим качеством личности является новое отношение к труду, рожденное социализмом. Ярким проявлением этого качества служит повсеместное участие советских людей в социалистическом соревновании. Социалистическое соревнование — творчество масс. По самой сути своей оно основано на высокой сознательности и инициативе людей. В нем выковываются образцы понимания общественного долга, героизма и самоотверженности в труде [3, с. 58]. На съезде говорилось и о трудностях в деле трудового воспитания. Это, прежде всего, недостатки в распределении, что «крайне вредно сказывается и на производственных показателях, и на психологии людей» [3, с. 59]; не всегда обеспечивается объективная оценка трудового вклада каждого человека. «Надо всемерно поощрять добросовестных работников, — отмечается в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии, — не оставлять лодырям и бракоделам никаких лазеек для хорошей жизни при никудышной работе» [Там же, с. 59].

Таким образом, активный творческий труд не только ведет к росту материального богатства общества, но служит и важным условием развития самой личности. «Люди обновляют себя в такой же мере, в какой они обновляют созданный ими мир богатств» — писал К. Маркс [1, т. 46, ч. 2, с. 222]. Только в активном творческом труде могут органически сочетаться высокие профессионально-деловые качества личности: «исполнительность, дисциплинированность со смелой инициативой и предприимчивостью. Практичность и деловитость — с устремленностью к большим целям» [3, с. 51].

Во-вторых, XXVI съезд КПСС поставил задачу формирования высоких нравственных качеств личности. Необходимо, подчеркнуто на съезде, «расширять возможности для гармоничной духовной жизни людей, доступа всего населения к культурным ценностям, обеспечить дальнейший подъем образования и культуры, усилить нравственное воспитание...» [Там же, с. 137].

В процессе нашего движения к коммунизму все более возрастает роль нравственных начал во всех сферах жизнедеятельности человека. Это объективный процесс, связанный с развитием социально-классовой и национальной структуры совет-

ского общества. Стирание классовых различий, «формирование культуры единого советского народа — новой социальной и интернациональной общности» [Там же, с. 57] ведет ко все большему возрастанию удельного веса нравственных компонентов во всех сферах деятельности человека.

Главной задачей нравственного воспитания является выработка у каждого члена общества активной жизненной позиции, формирование «богатого и всестороннего, глубокого во всех его чувствах и восприятиях человека» [1, т. 42, с. 123]. С большой силой прозвучала на съезде мысль о необходимости формирования у советских людей таких нравственных качеств, как долг, ответственность, активность, обязательность, достоинство, справедливость, порядочность, дисциплинированность, непримиримость к нарушителям норм коммунистической морали. Показателем того, насколько глубоко и органично требования коммунистической морали воплощены в поведении, во всем образе жизни личности служит ее нравственная культура [4, с. 270], выступающая неотъемлемой частью общей культуры социалистической личности. Нравственная культура включает в себя культуру нравственного сознания, т. е. идеальную и практическую сторону — культуру нравственного поведения и культуру общения. «Ощущать потребность в том величайшем богатстве, каким является другой человек» [1, т. 42, с. 125], — такова мысль Маркса, находящая свое реальное воплощение в условиях зрелого социализма. Значительная роль в воспитании культуры общения, как отметил XXVI съезд КПСС, принадлежит социалистическому искусству. «Человеческие отношения на производстве и в быту, сложный внутренний мир личности, ее место на нашей беспокойной планете — все это неисчерпаемая область художественных поисков» [3, с. 62].

Духовный мир человека, его нравственная культура формируются в значительной степени благодаря приобщению к опыту прошлого, для освоения которого также большое значение имеет литература и искусство. «В творчестве наших мастеров по-прежнему звучат высокие революционные мотивы... Работы авторов, верных военной теме, учат любви к Родине, стойкости в испытаниях» [Там же]. Через искусство, литературу не только передаются и усваиваются нравственные ценности прошлых поколений, они помогают глубоко осмыслить опыт и нравственные ценности сегодняшнего дня, позволяют человеку приобщиться к нравственному опыту других, оценить меркой этого опыта свои действия. Яркие образы наших современников «волнуют людей, вызывают споры, заставляют задуматься о настоящем и будущем. Партия приветствует свойственные лучшим произведениям гражданский пафос, непримиримость к недостаткам, активное вмешательство искусства в решение проблем, которыми живет наше общество» [Там же].

Развитой социализм создает объективные возможности для развития личности. «Мы располагаем большими материальными и духовными возможностями для все более полного развития личности» [Там же, с. 63]. В то же время с такой же объективностью развитый социализм испытывает потребность в активности личности во всех сферах жизнедеятельности. В документах и материалах XXVI съезда КПСС речь идет о трудовой, политической, гражданской, творческой, общественной и социальной активности советских людей. Концентрированным выражением всех этих видов активности выступает активная жизненная позиция, ядром которой на этапе зрелого социализма является нравственная активность личности. Вот почему выработка активной жизненной позиции — задача нравственного воспитания. Неотрывно от активности и такое качество личности, как ответственность. Именно высоко развитое чувство ответственности направляет активность личности в нужное русло, с учетом интересов и потребностей других людей, общества в целом.

Говоря о взаимосвязи активности и ответственности личности, следует подчеркнуть, что чем выше чувство ответственности у личности, тем она активнее. XXVI съезд партии подчеркнул, что «в современных условиях многократно возрастает значение дисциплины, значение личной ответственности. Особенно — ответственности хозяйственных, советских и партийных руководителей» [Там же, с. 50]. Ценность руководителя любого ранга — в умении видеть социально-нравственный смысл своей деятельности, нравственные последствия принимаемых решений. «Каждый руководитель должен постоянно помнить и о своей высокой ответственности — ответственности перед людьми, которыми ему доверено руководить, перед партией и народом» [Там же].

Таким образом, нравственное воспитание личности призвано доводить до нее нравственный опыт прошлого и сегодняшнего дня, запечатленный в памятниках как духовной, так и материальной культуры, способствовать его преобразованию в нравственную культуру, открывающую путь к нравственной активности, как ядру активной жизненной позиции каждого советского человека на этапе зрелого социализма.

Съезд поставил задачу по формированию идейно-политических качеств личности, ибо они оказывают прямое воздействие на общий уровень культуры советских людей, на их профессионально-деловые и нравственные качества. Без высокой политической сознательности, идейной зрелости невозможен успех в формировании нового человека. Главной задачей идейно-политического воспитания является воспитание у трудящихся коммунистической идейности, преданности делу партии, делу коммунизма. На съезде было обращено внимание на формирование таких идейно-политических качеств, как общественно-политическая и гражданская активность, политическая культу-

ра, готовность к защите нашей Родины, непримиримость к врагам социализма.

Важнейшим качеством социалистической личности является коммунистическая идейность, исходным требованием которой выступает активная и сознательная борьба за коммунизм. Коммунистическая идейность служит фундаментом для формирования оптимизма и целеустремленности, политической активности, любви к своей Родине и гордости за ее успехи, чувства хозяина страны. Этому способствует «глубокий демократизм общенародного государства» [Там же, с. 64].

Для формирования нового человека большое значение имеют такие идейно-нравственные качества, как патриотизм и интернационализм. «Священный долг партии — воспитывать трудящихся в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма, гордого чувства принадлежности к единой великой Советской Родине» [Там же, с. 57].

Таким образом, выработка профессионально-деловых, нравственных и идейно-политических качеств, взятых в своем диалектическом единстве, является важнейшей неотъемлемой частью социальной политики партии на этапе развитого социализма.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Материалы XXVI съезда КПСС. — М.: Политиздат. 1981. — 224 с. 4. Марксистская этика. — М.: Политиздат, 1976. — 385 с. 5. Архангельский Л. М. Марксистско-ленинская этика как система. — М.: Знание, 1976. — 64 с.

Поступила в редколлегию 25.03.81.

П. Е. МЕЖОВ

XXVI СЪЕЗД КПСС И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Инженерно-техническая интеллигенция, как и другие отряды интеллигенции, играет все более значительную роль в жизни общества, в решении важнейшей задачи завершения перевода экономики в 80-е годы на рельсы интенсивного развития, сокращения сроков реализации научных идей в производстве, ибо «...наиболее острый участок сегодня — внедрение научных открытий и изобретений, — и необходимо, — говорил Л. И. Брежнев на XXVI съезде КПСС, — научно-исследовательские и проектно-конструкторские работы... теснее сомкнуть экономически и организационно с производством» [2, с. 43].

По мере развертывания научно-технической революции, когда «...тесная интеграция науки с производством...» превратилась в «...настоятельное требование современной эпохи» [2, с. 44], происходят существенные изменения в структуре и трудовой деятельности инженерно-технической интеллигенции. Это в значительной степени определяет важнейшую тенденцию сближения по

характеру и условиям труда, уровню образования специалистов, работающих на промышленных предприятиях, с учеными своей отрасли знания. Эта тенденция, выступающая как всеобщая для всей советской интеллигенции, получает свое наиболее четкое выражение, как справедливо отмечает М. Е. Добрускин, на производстве [5, с. 43]. Если относительно недавно процесс превращения инженера в исследователя шел главным образом в отраслевых НИИ, проектно-конструкторских организациях, то в последние годы одним из центров формирования творчески работающего инженера-производственника становится производство, которое является сферой применения науки. Для принятия решений современному специалисту на производстве нужны достаточно обширные знания в области физики, математики, других наук, необходимы навыки моделирования деятельности различных типов, умение увязывать составляющие производственного процесса в единое целое, т. е. знания современного специалиста должны носить интегральный характер, обеспечивая возможность использования достижений научно-технического прогресса в смежных отраслях.

В современных условиях, когда на всех крупных промышленных предприятиях созданы и успешно функционируют те или иные научные подразделения (лаборатории, исследовательские институты, филиалы кафедр и др.), обеспечивающие наиболее благоприятные условия для сотрудничества инженеров и техников с учеными, повышения научной квалификации ИТР и приобщения ее к научно-технической, а во многих случаях и к исследовательской деятельности, в работе технического специалиста в цеху, в работе специалиста КБ или лаборатории промышленного предприятия присутствуют все в большей степени элементы научной деятельности. В документах КПСС инженерно-техническая интеллигенция определяется как научно-техническая [3, с. 277]. Однако определение ИТР как научно-технической интеллигенции не нашло достаточного отражения в советской литературе, оказалось незамеченным рядом авторов, а со стороны некоторых встретило даже необоснованные возражения. Так, Ц. Р. Розенберг считает, что «процесс интеграции науки и производства еще не достиг той ступени, при которой инженерно-технические кадры предприятий можно было бы отнести к научно-техническому персоналу» [6, с. 63—65].

Разумеется, отнесение инженерно-технических специалистов к научно-технической интеллигенции не означает еще исчезновения социально-профессиональных граней между инженерами и учеными — до этого еще далеко. Речь идет лишь о таком серьезном сближении между ними, которое дает основание для включения их в одну категорию специалистов, объединенных общими научно-производственными задачами и общностью условий для их плодотворного решения.

М. Н. Руткевич причисляет только одну часть производственно-технической интеллигенции к научно-технической. Это ее руководящий, административный состав, который он называет научно-производственной интеллигенцией [7, с. 51]. Но нельзя не учитывать, что эти кадры не представляют собой какой-то обособленной и замкнутой группы на производстве. Они постоянно пополняются за счет той производственно-технической интеллигенции, которую автор отказывается причислить к научно-технической.

Сущностное определение категории научно-технической интеллигенции обусловлено прежде всего системностью научно-технической революции, которая находит свое выражение в едином комплексе «наука — техника — производство». Именно такой анализ сущности научно-технической революции позволяет рассматривать нам производственно-техническую интеллигенцию в качестве структурного звена научно-технической. Такая оценка производственно-технических специалистов детерминирована современным уровнем научно-технического прогресса, обуславливающим тесную интеграцию в материальном производстве науки и техники. К производственно-техническим мы относим специалистов, занятых высококвалифицированным, преимущественно умственным трудом, требующим для своего выполнения высшего или среднего специального образования, направленным на разработку и внедрение в процесс промышленного производства достижений науки и техники.

Выделение в особую группу производственно-технических специалистов промышленных предприятий требует определения критериев принадлежности к этому слою научно-технической интеллигенции. По нашему мнению, критериями, означающими определенные «водоразделы» между частями производственно-технической интеллигенции, являются прежде всего различия по содержанию труда и выполняемым функциям в процессе трудовой деятельности. В связи с этим возможны несколько срезов для классификации частей сложной структуры ПТИ, и оптимальный вариант исследования неоднородности этого слоя интеллигенции видится нам, таким образом, в комплексном подходе к этой проблеме. Это предполагает выделение в составе специалистов промышленных предприятий групп, различающихся по: а) роли в общественной организации труда на предприятии: **специалисты высшего звена** — генеральный директор (директор), зам. директора, главный специалист, главный инженер, главный конструктор; **специалисты старшего звена** — начальник цеха, начальник отдела, сектора, лаборатории, начальник звена, старший мастер, старший технолог, старший экономист и т. д.; **специалисты среднего звена** — инженер, техник, экономист, мастер, помощник мастера; б) по уровню квалификационной подготовки и специального образования: лица, имеющие ученые степени; дипломированные инженеры и техники,

практики, не имеющие специального образования; в) по характеру выполняемых ими работ: инженер-исследователь, инженер-конструктор, инженер-технолог, — что и является показателем степени участия этих специалистов в научной деятельности, либо деятельности, направленной на организацию производственного процесса, в связи с реализацией научных идей в самом технологическом процессе. В этой связи в составе ПТИ мы выделяем две подгруппы: 1) специалисты научных подразделений предприятия, КБ, отраслевых лабораторий, которые в основу своей деятельности кладут разработку научной теории; б) инженерно-технические специалисты, руководящие производственным процессом внедрения (реализации) научных идей.

Углубление и расширение масштабов научно-технического прогресса обуславливает серьезные количественные изменения структуры производственно-технической интеллигенции. Рост численности специалистов промышленных предприятий определяется в первую очередь потребностями производства.

Основным каналом пополнения производственно-технической интеллигенции являются специалисты, подготовку которых осуществляют высшие и средние специальные учебные заведения. Только за 1979 г. вузы и техникумы промышленности и строительства окончили 763,0 тыс. человек; а за пятилетку (1975—1979 гг.) выпуск специалистов учебными заведениями этой группы возрос на 6,8% [8, с. 495]. А всего в народном хозяйстве страны в 1979 г. было занято 26 млн. 400 тыс. специалистов [8 с. 397], что на 39% превышает число специалистов, занятых в народном хозяйстве в 1969 г. [9, с. 549]. Однако удельный вес специалистов в промышленности, особенно среднего звена, явно недостаточен.

Изменения в структуре научно-технической интеллигенции в ее количественном выражении получают отражение в значительном росте за последние годы производственных и научно-исследовательских объединений, во главе которых стоят научно-производственные объединения, в которых стоят научно-исследовательские институты. За десять лет число ПО и НПО увеличилось в 6,5 раза [8, с. 133,] а их доля в итоге всей промышленности составила в 1979 г. — 48,4% [8, с. 133]. Производственные объединения обеспечивают более широкие возможности вовлечения инженера-производственника в научную деятельность, особенно там, где имеются научные подразделения и инженерные службы с солидной материально-технической базой. Образование ПО и НПО определяет необходимость комплектования подобных промышленных предприятий разнопрофильными специалистами в области научных разработок, экспериментального производства, т. е. создания штаба специалистов самой различной квалификации, и в первую очередь научной. Производственные объединения обуславливают стремительное возрастание численности промышленной интеллигенции. Если с 1970 по 1979 гг. численность рабочих в составе промышленно-

производственного персонала возросла на 10%, а служащих не изменилась, то численность ИТР возросла в 1,4 раза [8, с. 147]. Такой рост промышленной интеллигенции детерминирован потребностями ИТР, и не значит какого-либо умаления роли рабочего класса в коммунистическом строительстве СССР. Рабочий класс, составляющий свыше половины трудящихся нашей страны, играет ведущую роль в решении задач социалистического общества.

Увеличение доли производственно-технической интеллигенции в составе занятого населения СССР проявляется как объективная общественная тенденция в период перехода к коммунизму. Быстрый ее рост демонстрирует превосходство социалистического строя над капиталистическим, который не в состоянии справиться с проблемой подготовки ИТР в требуемом современном уровнем научно-технического прогресса количестве. Поэтому XXVI съезд КПСС значительное место отвел научным и техническим специалистам, которые призваны на высоком научном уровне разрабатывать и внедрять новую технику и технологию, «чтобы все достижения науки и техники сделать достоянием всех тружеников социалистического общества, чтобы научно-технические знания... служили к улучшению жизни» [1, с. 305].

Намечая конкретные пути реализации задачи повышения производительности труда и рационального использования трудовых ресурсов, XXVI съезд Компартии Украины подчеркнул большое значение производственных и особенно научных коллективов, призванных внести наиболее «...весомый вклад в решение этих задач...» [4]. Этот аспект трудовой деятельности производственно-технической интеллигенции также проявляется как тенденция к изменению качественных характеристик структуры этого отряда специалистов, определяя дальнейшее сближение, укрепление связи научных, вузовских и производственных коллективов.

Научно-технический прогресс в условиях зрелого социализма, детерминируя прогрессивные процессы изменений внутри классов, социальных групп советского общества, воздействует и на внутреннюю структуру научно-технической интеллигенции — как элемента социальной структуры всего общества, изменяя ее качественно и количественно, изменяя характер и содержание ее подгрупп, по-новому определяя ее функции и тенденции развития в процессе материального производства.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Речь на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства 26 мая 1918 г. — Полн. собр. соч., т. 36, с. 377—386. 2. Материалы XXVI съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1981. — с. 224. 3. Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 3. — М.: Политиздат, 1972.—535 с. 4. Щербицкий В. В. Отчетный доклад ЦК Компартии Украины XXVI съезду Компартии Украины. — Правда Украины, 1981, 11 февр. 5. Добрускин М. Е. Интеллигенция в развитом социалистическом обществе. — Политическое самообразование, 1974, № 3, с. 38—46. 6. Розенберг Ц. Р.

Научно-техническая революция и интеллигенция. — Алма-Ата: Казахстан, 1979.—147 с. 7. Руткевич М. Н. Интеллигенция в развитом социалистическом обществе. — М.: Политиздат, 1977.—96 с. 8. Народное хозяйство СССР в 1979 г. — М.: Статистика, 1980. — 615 с. 9. Народное хозяйство в 1969 г. — М.: Статистика, 1970.—864 с.

Поступила в редколлегию 15.02.81.

Л. Ф. МИНИНА

XXVI СЪЕЗД КПСС И ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА

В настоящее время существует целый комплекс причин и обстоятельств, определивших общественный интерес к вопросам политической культуры и необходимость их основательной философско-теоретической разработки. Среди них политические отношения, политическое сознание, политические убеждения, политическая активность, политическая деятельность, политическая ответственность, структура политической культуры, политическая система, обострение идеологической борьбы вокруг этих вопросов.

На актуальность анализа проблем политической культуры обращается постоянное внимание в партийно-государственных документах, вышедших между XXV и XXVI съездами КПСС, в материалах этих съездов. На XXVI съезде КПСС была особо подчеркнута необходимость формирования политической культуры широких народных масс как главного субъекта управления всеми сторонами общественной жизни и особенно подъемом экономики в условиях развитого социализма. Появились интересные работы философов, социологов по вопросам политической культуры [8].

Анализ этих работ показал, что не решен достаточно широкий круг вопросов, таких, как анализ понятия политической культуры не только как явления в целом, но и его структуры, составляющих элементов, функций и механизма взаимодействия с другими сферами духовной жизни общества.

В настоящей статье не ставится цель проанализировать весь комплекс проблем, наша задача ограничена выяснением элементов, составляющих структуру политической культуры, уточнением понятия политической культуры.

Обзор литературы по данной проблеме показывает, что единого понимания данного явления в нашей литературе пока еще не выработано. Его нет ни в философских словарях, ни в словарях по этике, ни в энциклопедиях. Его нет и в предметном указателе к полному собранию сочинений В. И. Ленина, хотя о политической культуре масс В. И. Ленин говорил и писал достаточно много.

Часто в философско-социологической литературе можно столкнуться с ситуацией, когда политическая культура вплете-

на в общее понятие культуры и рассматривается наряду с другими сторонами культуры: моральной, правовой, художественной. Политическая же культура не является объектом специального рассмотрения, о чем свидетельствует статья «Культура» в философской энциклопедии [7, с. 118]. Существующий разноречивостью в определениях, разумеется, не может способствовать ни развитию самой политической культуры, ни решению ее философских проблем, ни пониманию ее роли в жизни общества, так как неясность в понятии может привести к излишним терминологическим спорам и породить путаницу во время дискуссий и обсуждений. В. И. Ленин предупреждал, что «надо выяснить точно понятие, если хотеть вести дискуссию» [1, т. 30, с. 93].

Одним из распространенных подходов исследования понятия является рассмотрение политической культуры как уровня знаний и представлений различных слоев общества и индивидов о власти и политике, а также определяемая этим степень их политической активности. Эту точку зрения разделяют И. И. Бражник, В. В. Руденко, которые определяют политическую культуру как «знание гражданами своих прав и свобод, путей и методов их осуществления, умение применять эти права и свободы в интересах строительства коммунизма, ясное понимание неразрывной связи прав и свобод с добросовестным выполнением гражданских обязанностей» [3, с. 59]. В данном случае, на наш взгляд, налицо одностороннее понимание политической культуры, сведение ее лишь к политическим знаниям. Но сами по себе знания не определяют автоматически политическую деятельность личности. Не каждый человек, получивший самые современные специальные и политические знания, умеет претворять их в практическую деятельность. Простое накопление знаний еще не равнозначно формированию мировоззрения. В этом плане, по нашему мнению, следует отличать знание как знание внешнее для личности, не ставшее ее убеждением, от знания как способности к деятельности, внутреннее знание, превращенное в убеждение и порождающее имманентную политическую деятельность.

В других случаях политическую культуру рассматривают как определенный уровень общественно-политических взглядов, знаний, убеждений, умения применять их в общественно-политической деятельности. Отдельные авторы указывают на то, что «политическая культура есть знание (овладение) трудящимися научными основами политики и осознание ими необходимости личного (активного) участия в реализации политики Коммунистической партии» [6, с. 84].

Однако осознание необходимости личного участия трудящихся в осуществлении политики Коммунистической партии и реализация этой необходимости отличаются так же, как деятельная способность от деятельности. Таким образом, рассмотрение политической культуры как определенного уровня

политического сознания (общественно-политических взглядов, знаний, убеждений) не раскрывает ее сущности. По этой причине вышеприведенное определение, хотя и является определенным шагом в развитии данного понятия, но не достаточно полно.

Политическая культура — это определенный уровень политического сознания и политической деятельности. Сущность политической культуры развитого социализма, по нашему мнению, может быть раскрыта через активную общественно-политическую деятельность человека, обладающего глубоким знанием марксистско-ленинской теории, политики партии, способного к политическому анализу и классовой оценке явлений общественной жизни, идейно убежденного, осознавшего гражданские права и обязанности. Выявление сущности политической культуры позволяет перейти к анализу этапов ее формирования. В литературе они четко не определены, но практика политической жизни позволяет выделить следующие этапы.

Первый имеет познавательный характер. Его можно определить как политическое образование. Идеологической основой политической культуры является марксистско-ленинское мировоззрение. Второй — это формирование политической убежденности, выработки политической сознательности, умения оценивать все стороны своего поведения, проблемы общественного развития с классовых позиций, давать аргументированный отпор идеологическим противникам; способность обоснованно анализировать явления внутренней и внешней жизни. Третий этап — практическая политическая активность личности, выражающаяся в самых различных формах — от участия в общественной жизни коллектива до управления делами общества, в осуществлении политики КПСС и Советского государства, на что было обращено внимание XXVI съезда КПСС: «Мы хотим, чтобы партийная политика сливалась с деятельностью масс, чтобы партийное просвещение учило людей, говоря словами В. И. Ленина «действовать так, как того действительно коммунизм требует» [2, с. 77]. Таким образом, уровень политической культуры определяется степенью включенности индивида в экономическое и социальное управление страной.

Повышение уровня политической культуры масс в условиях зрелого социализма — объективный закономерный процесс. Он стимулируется комплексом объективных факторов — дальнейшей демократизацией нашего общественного строя, развитием социалистических общественных отношений, советского образа жизни. Вместе с тем необходимо учитывать и благоприятные субъективные условия, влияющие на развитие этого процесса. Сюда относится и многообразная деятельность партийных органов, государственных учреждений, общественных организаций, трудовых коллективов.

Социалистическое государство заинтересовано в постоянном

повышении политической культуры трудящихся, активно способствует выработке ее у всех граждан. Но, как было отмечено на XXVI съезде КПСС, политическая культура развивается не только благодаря этим условиям. Заинтересованность каждого гражданина в ее развитии, его установка на овладение ее достижениями, настойчивое стремление к высокой политической компетентности — черты, свойственные нашей современной общественной жизни; «...повышение общественно-политической активности каждого гражданина — в этом суть советской демократии, демократии работающей, действующей» [2, с. 65].

Демократия проникает во все сферы общественной жизни. Важной стороной социалистической демократии является то, что она открывает возможности для постоянного все более широкого привлечения членов общества к практическому участию в руководстве государственными и общественными делами. Трудящиеся общества зрелого социализма наряду с участием в практической реализации политики партии, законов нашей страны, сами принимают деятельное участие в разработке государственной политики. Только в обсуждении такого важнейшего политического документа, как «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» приняло участие более 121 млн. человек. Таким образом, развитое социалистическое общество выступает в качестве социальной среды, формирующей политическую культуру.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Материалы XXVI съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1981. — 224 с. 3. Бражник И. И., Руденко В. В. Формирование политической культуры граждан — важное средство преодоления религиозного экстремизма. — В сб.: Актуальные проблемы идеологической борьбы на современном этапе. — Киев, 1980. — 254 с. 4. Мирное сосуществование и социально-политическое развитие. — М., 1977. — 247 с. 5. Ожегов Ю. П. Политическая культура молодежи. — М., 1980. — 63 с. 6. Формирование политической культуры студентов. — В кн.: Коммунистическое воспитание студентов. — Киев, 1981. — 189 с. 7. Францев Г. Культура. — Философская энциклопедия. Т. 3. — М.: Сов. Россия, 1980, с. 118. 8. Тихомиров Ю. Политическая культура в обществе зрелого социализма. — Политическое самообразование, 1978, № 7; Коммунистическое воспитание студентов. — Киев, 1981; Мирное сосуществование и социально-политическое развитие. — М., 1977; Ожегов Ю. П. Политическая культура и молодежь. — В кн.: Искусство воспитания. — М., 1981; Проблемы формирования политической культуры. — Политическое самообразование, 1981, № 1.

Поступила в редколлегию 16.03.81.

А. К. БУЛГАКОВ

О СООТНОШЕНИИ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ, ПРИКЛАДНЫХ И ТЕХНИЧЕСКИХ НАУК

Вопрос, поставленный в название статьи, в последнее время приобрел особую актуальность и активно обсуждается в нашей литературе [3; 9; 10; 12; 14; 16 и др.]. Однако до настоящего

времени существует различное толкование терминов «фундаментальный» и «прикладной», не решен также вопрос о том, куда относить технические науки. Многие исследователи методологических проблем современной науки относят последние к прикладным наукам [2, с. 325]. По мнению В. М. Фигуровской, основанием для этого является то, что технические науки в настоящее время в большинстве своем находятся преимущественно на эмпирическом уровне [15, с. 154], а Б. М. Кедров ставит знак равенства между техническими и практическими науками [17, с. 543]. Некоторые авторы, указывая на различия между техническими и прикладными науками, не рассматривают этот вопрос специально [4, с. 81; 6, с. 323; 11, с. 34, 35]. А между тем современная НТР с необходимостью заставляет пристально взглянуть на цепочку, соединяющую науку и производство: фундаментальная наука — прикладная наука — техническая наука (конструирование, проектирование) — производство.

Со времени начала процесса превращения науки в непосредственную производительную силу происходит существенное изменение соотношения фундаментальных и прикладных исследований. Б. М. Кедров отмечает: «Резкое деление естественных наук на «чистые» и «прикладные» разрывает единую цель науки — познать, чтобы использовать, — на две якобы совершенно независимые друг от друга цели, каждую из которых выполняет будто бы особая группа естественных наук... Различие между науками состоит здесь в том, что одни науки имеют ближайшим своим результатом изучение законов природы, другие же — открытия способов использования этих законов в интересах человека [9, с. 17]. Б. М. Кедров подчеркнул также, что относить термин «фундаментальная наука» только к естественным наукам недопустимо [10]. Таким образом, к фундаментальным наукам относятся не только науки о природе. Но, поскольку теоретической основой технических наук является естествознание, мы будем рассматривать фундаментальные естественные науки.

Сейчас уже невозможно управлять общественными процессами (в том числе научными исследованиями) без всестороннего и глубокого учета возможных последствий практического применения открытий науки. Современная фундаментальная наука уже не ограничивается конструированием идеальных образов явлений, происходящих в природе, а выявляет границы возможного в самой природе с целью использования этих возможностей либо предотвращения их [7, с. 61]. Однако в понимании каждой из этих наук и соотношении между ними высказываются различные точки зрения. Так, Л. Б. Баженов, Н. Н. Евтихийев, М. Р. Капланов и Е. Н. Лысманкин характерной чертой фундаментальных наук считают обнаружение новых явлений действительности и формулировку соответствующих законов [3, с. 97]; В. В. Ржевский и В. М. Семенчев полагают, что фундаменталь-

ные исследования нацелены на такие открытия, которые приводят к пополнению и изменению знаний [14, с. 111]. Но эта черта присуща любой науке как деятельности по производству знаний и не может быть отличительным признаком фундаментальной науки.

Не рассматривая специально различные точки зрения по поводу определения отдельной науки, отметим, что в определении ее (и, следовательно, в выяснении различия между науками) необходимо учитывать не только объект изучения науки, но и цели и задачи этого изучения, которые обуславливают избирательное отношение к объекту, выделение определенных его сторон и соответственно — характер и содержание познания объекта; метод науки как способ решения поставленных целей и задач. Эти моменты следует рассматривать исторически, в их изменении и развитии.

Фундаментальная наука изучает определенные объекты природы, рассматриваемые в их сущности, в единстве и взаимосвязи ее проявлений, раскрывает общие законы изменения и развития этих объектов, разрабатывает соответствующие теории, выявляет принципиальную возможность изменения их. Фундаментальная естественная наука, основываясь в конечном итоге на практике, стремится выявить законы природы в их, так сказать, чистом виде, т. е. так, как они действуют независимо от человека. Нередко ученые, исследующие определенные природные объекты, не могут даже в принципе представить себе возможную значимость исследования. В этом смысле, как отмечает Б. М. Кедров, фундаментальные науки выступают как та область научного знания, где субъективный момент сведен к минимуму [8, с. 22].

Фундаментальная наука, особенно на теоретическом уровне, непосредственно рассматривает идеальные модели (например, материальную точку, абсолютно твердое тело, идеальный газ и т. д.) и формулирует законы, относящиеся к этим моделям [7, с. 61, 62; 14, с. 113].

Фундаментальная наука использует всю совокупность методов научного познания. Но особо важную роль играют методы теоретического познания (идеализация, формализация, восхождение от абстрактного к конкретному и т. д.) Таким образом, можно сказать, что фундаментальная наука развивается главным образом на основе внутренней собственной логики развития модели, а также методов и задач.

Прикладная наука, исходя из общих свойств и законов объекта, раскрываемых фундаментальной наукой, специально рассматривает возможность использования этих законов на практике, и соответственно этому — частные формы проявления общих законов, их взаимодействия. На данном этапе происходит переход от идеальных моделей к реальным, прикладным объектам. В связи с этим возникает один очень важный вопрос:

каким образом происходит данный переход от идеальных моделей и конструкций фундаментальной науки к реальным объектам науки прикладной? Когда мы рассматриваем модель в прикладной науке, то эта модель всегда имеет реальный аналог (например, аэродинамическая труба создает вполне реальную обстановку проявления природных сил). Между тем, идеальные модели фундаментальной науки (та же материальная точка, идеальный газ и т. п.) реального аналога не имеют. Каким же образом мы, например, от законов, характеризующих идеальный газ, переходим к газам реальным? Очевидно, что данный переход от идеальных моделей фундаментальной науки к реальным объектам науки прикладной осуществляется посредством введения соответствующих поправок в законы.

Технические науки, как уже отмечалось, нередко отождествляют с науками прикладными, что вряд ли оправдано. Так, если прикладные науки изучают возможность использования законов природы на практике, то технические науки рассматривают пути и средства реализации этих возможностей, конкретизируют данные прикладных наук в технике. Здесь осуществляется переход от природных объектов к техническим.

Хотя технические объекты и функционируют в соответствии с законами природы, но законы их изменения и развития, конечно, отличаются от законов природы. Технические объекты обладают целым рядом социальных параметров (экономичностью, надежностью, удобством в эксплуатации, определенными эстетическими качествами, экологическими характеристиками и т. д.), что, очевидно, проявляется в конструировании и проектировании технических устройств и особенно технологических процессов, при котором необходимо учитывать их социальные параметры, а также организацию и экономику производства и т. д. Создание все более сложных технических устройств требует специального исследования возможностей и роли человека во взаимодействии с ними. Таким образом, технические объекты представляют определенную природно-социальную систему, их функционирование реализует социальные цели и изменяет социальные условия. Поэтому технические науки тесно связаны с общественными, изучающими социальную роль технических объектов как средств и продуктов труда, законы их развития.

Важнейшими особенностями технических наук являются быстрая дифференциация, изменение объектов исследования, а следовательно, и содержания, и методов науки [4, с. 81]. Прикладные науки обычно используют знания и методы данной фундаментальной науки, повторяют ее структуру. Техническая наука использует данные и методы не только этой фундаментальной науки, а целого ряда их. Роль эксперимента и наблюдения в технических науках иная, нежели в прикладных, а тем более в фундаментальных, где они имеют своей целью совершенствование теории и доказательство ее достоверности или же служат

основанием для создания новой теории, которая должна заменить старую. Хотя прикладная наука в эксперименте и доводит дело до производства, но сама не занимается этим вопросом специально. В технических же науках и эксперимент, и наблюдение направлены на изменение соответствующих технических объектов, имеющих определенное производственное назначение. Именно поэтому сами объекты технических наук (в противоположность объектам прикладных и моделям фундаментальных наук) находятся в состоянии постоянного изменения. Методы технических наук — это не только (и не столько) методы познания, но практического преобразования. Главная функция технических наук — практическая: получение знания о практическом создании, функционировании и изменении технических объектов. Основным компонентом практической функции является проектирование, которое включает в себя конструирование как неотъемлемую часть.

Различие фундаментальных, прикладных и технических наук — в целом весьма относительно, но, тем не менее, оно существует. Этот момент важен в том плане, что, избирая отправной точкой данное относительное различие, иногда рассматривают не соотношение наук, а соотношение фундаментальных, прикладных и технических исследований [14, с. 111; 11, с. 33—35]. А между тем это не одно и то же. Как мы уже отмечали, есть науки фундаментальные, прикладные и технические. В самих фундаментальных исследованиях можно выделить два различных вида: фундаментальные исследования, не ориентированные сегодня ни на какой практический выход, и фундаментальные работы, нацеленные на решение важнейших народнохозяйственных проблем [3, с. 99]. Однако существует отличие между исследованиями второго вида и прикладными исследованиями, хотя и те и другие ставят своей задачей достижение практических целей. Фундаментальные работы основываются на основополагающих научных идеях, но на пути к цели лежат еще не познанные явления и закономерности, что приводит к тому, что исход подобных работ однозначно предвидеть нельзя [13, с. 81]. Фундаментальная наука может включать и некоторые прикладные исследования. Все дело в том, что фундаментальная наука может порождать и порождает прикладные исследования, которые на начальном этапе организационно еще не включены в нее. Определяющей тенденцией современной науки является «снятие», сглаживание противопоставления «чистого» и «прикладного» исследований. Но все же правомерно говорить о том, что фундаментальная наука осуществляет главным образом познавательную функцию, а техническая наука — функцию преобразования отдельного элемента производительных сил. Вместе с тем решение задач в технических науках не обязательно замыкается в рамках самих технических наук. Решение задач,

которые создаются в технических и прикладных науках, в ряде случаев может приводить к созданию фундаментальных наук. Таким образом, относительность деления наук на фундаментальные, прикладные и технические прежде всего проявляется в том, что каждая из этих наук в какой-то степени содержит и другие [14, с. 110; 3, с. 99, 101]. Эту относительность можно увидеть, рассматривая цепочки наук: радиофизика — радиолокация — радиотехника; атомная физика — экспериментальные установки — промышленные установки; науки (фундаментальные, прикладные, технические).

«В одиннадцатой пятилетке развитие науки и техники должно быть в еще большей мере подчинено решению экономических и социальных задач советского общества, ускорению перевода экономики на путь интенсивного развития, повышению эффективности общественного производства», — говорится в «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года». Исходя из этого, необходимо «усилить взаимные связи науки и производства. Повысить ответственность за уровень исследований в научных учреждениях, быстрее использование результатов законченных научных разработок и изобретений в производстве» [1, с. 143].

В рамках современной НТР сложность разграничения фундаментального, прикладного и технического приобретает все большее значение. В условиях социализма всесторонний и глубокий учет объективных закономерностей развития науки является основополагающим принципом управления социальными процессами в интересах всего общества. Данный принцип наиболее полно выражает динамику соотношения и форм связей элементов системы «наука — производство»; на основе этого принципа формируется единая государственная научно-техническая политика. XXVI съезд КПСС поставил задачу обеспечить опережающее развитие фундаментальных и повысить результативность прикладных исследований. Таковы в общих чертах некоторые стороны взаимосвязи фундаментальных, прикладных и технических наук.

Список литературы: 1. Материалы XXVI съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1981. — 224 с. 2. Алексеев И. С. Наука. — В кн.: БСЭ. 3-е изд. Т. 17. — М.: Сов. Энциклопедия, 1974. 3. Баженов Л. Б., Евтихий Н. Н., Капланов М. Р., Лысманкин Е. Н. Фундаментальные и прикладные исследования — стратегия естественнонаучного поиска. — Вопр. философии, 1980, № 8. 4. Боголюбов А. Н. Математика и технические науки. — Вопр. философии, 1980, № 2. 5. Бухалов Ю. Ф., Булгаков А. К. К определению предмета технических наук. — В кн.: Вестн. Харьк. ун-та, № 20. Вып. 15/Логика и методология научного познания. — Харьков: Вища школа. Изд-во Харьк. ун-та, 1981. 6. Дорфман Я. Г. Эволюция структуры физики. Очерки истории и теории развития науки. — М., 1969. 7. Зотов А. Соотношение фундаментальных и прикладных исследований — актуальные аспекты. — Коммунист, 1979, № 10. 8. Кедров Б. М. Общие соображения о полной системе наук. — В кн.: Актуальные проблемы логики и методологии науки. — Киев: Наук. думка,

1980. 9. Кедров Б. М. Предмет и взаимосвязь естественных наук. — М., 1967. 10. Кедров Б. М. Соотношение фундаментальных и прикладных наук. — *Вопр. философии*, 1972, № 2. 11. Мандрыка А. П. О соотношении фундаментального и прикладного в технических науках. — *Вопр. истории естествознания и техники*. Вып. 64—66. — М.: Наука, 1979. 12. Мелещенко Ю. С. Соотношение фундаментальных и прикладных наук в условиях научно-технической революции. — В кн.: *Проблемы деятельности ученого и научных коллективов*. — Л., 1971. 13. Прохоров А. Фундаментальные исследования — источник научно-технического прогресса. — *Подлитическое самообразование*, 1977, № 7. 14. Ржевский В. В., Семенчев В. М. Фундаментальное и прикладное в науке, их взаимосвязь и основные особенности. — *Вопр. философии*, 1980, № 8. 15. Фигуровская В. М. Формирование общего техникoзнания. — В кн.: *Наука. Организация и управление*. — Новосибирск: Наука, Сибирск, отделение, 1979. 16. Фундаментальные и прикладные исследования в условиях НТР. — Новосибирск: Наука, Сибирск. отделение, 1978. 17. Энгельс Ф. и современные проблемы философии марксизма. — М.: Мысль, 1971.

Поступила в редколлегия 21.01.81.

П. И. БУСЕЛ

XXVI СЪЕЗД КПСС О ФОРМИРОВАНИИ ПОТРЕБНОСТИ ЛИЧНОСТИ В ТРУДЕ

Формирование нового человека — одна из важнейших задач коммунистического строительства. Для ее решения нашим обществом за годы Советской власти сделано немало. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии отмечалось, что «советский человек — добросовестный труженик, человек высокой политической культуры, патриот и интернационалист. Он воспитан партией, героической историей нашей страны, всем нашим строем. Он живет полнокровной жизнью создателя нового мира» [4, с. 51]. В то же время съезд обратил внимание на те задачи, которые предстоит решать на новом этапе общественного развития. Одной из главных задач является активное и целенаправленное формирование интересов и потребностей личности, соответствующих социалистической действительности, и среди них — потребности в труде [4, с. 47, 51].

Именно наличие развитой потребности в труде в структуре потребностей личности означает, что она (личность) ориентирована на творческое и созидательное отношение к миру, в котором живет, а отсутствие такой потребности, напротив, связано с потребительским отношением к жизни, со стремлением «поменьше дать, а побольше урвать от государства. Именно на почве такой психологии и появляются эгоизм и мещанство, накопительство, равнодушие к заботам и делам народа» [4, с. 51].

Методологические основы решения проблем, связанных с формированием у личности социалистического общества потребности в труде, даны в работах классиков марксизма-ленинизма. К. Маркс и В. И. Ленин рассматривали эту потребность как высший этап в развитии отношения человека к своему

труду, как осуществленный переход от внешней детерминации труда к внутренней его обусловленности, когда он перестает быть только средством к существованию, а становится своего рода способом существования человека [1, с. 20; 3, с. 315].

Именно такой качественный сдвиг в углублении отношения личности к труду с необходимостью совершается при переходе от капитализма к коммунизму. Решается эта задача уже в период проведения первых социалистических преобразований общества, но особенно актуальной становится в условиях развитого социализма.

Актуальность сложной практической задачи предопределила интерес к теоретическим ее аспектам. Сущность потребности в труде трактуется, как свидетельствует философско-социологическая литература, далеко не однозначно, что, в свою очередь, предопределяет различие в понимании методов ее формирования.

Так, одни авторы рассматривают потребность в труде как нравственную по своей природе, следовательно, становление ее детерминировано главным образом моральным совершенствованием личности. Такая трактовка особенно характерна для работ начала 60-х годов [5, с. 150; 7, с. 28—29; 8, с. 22].

Другие, не отрицая важного значения нравственного совершенствования человека, при определении путей становления потребности в труде акцент переносят на преобразование самих трудовых процессов, с тем чтобы придать им творческий характер [6, с. 32; 14, с. 78; 15, с. 292].

Но преобразование трудовых процессов, как и совершенствование их субъекта, является необходимым условием в деле решения задачи формирования у личности потребности в труде. Недостатком упомянутых точек зрения является их односторонность, их отрыв друг от друга. Не случайны в связи с этим многочисленные попытки как-то привести их к единству, как делает это, например, Г. Л. Смирнов. Он рассматривает потребность в труде как «социально-духовно-нравственную» [12, с. 273], чтобы ее становление состоялось, необходимо решить ряд задач: на основе механизации и автоматизации устранить тяжелый физический труд и создать тем самым возможность привлекательного труда для всех, поднять производительность труда и создать изобилие материальных и духовных благ для всестороннего развития потребностей и способностей всех членов общества. Условием превращения труда в первую жизненную потребность является воспитание высокообразованных и коммунистически сознательных людей, умеющих ставить интересы общества на первое место [12, с. 275].

Обращает на себя внимание то, что в данном перечислении сам труд выступает лишь как сфера, в которой формируется потребность личности в труде. Практика коммунистического строительства, коммунистического воспитания все отчетливее

показывает, что само повышение образовательного и профессионального уровня личности, даже если оно сопровождается улучшением условий труда, повышением уровня механизации и автоматизации последнего, само по себе еще не решает задачи формирования потребности в труде. Вот почему в III разделе Отчетного доклада ЦК КПСС XXVI съезду партии отмечалось, «...что у некоторых молодых людей образованность и информированность подчас уживается с политической наивностью, а профессиональная подготовленность — с недостаточно ответственным отношением к труду» [4, с. 54].

При формировании потребности в труде наряду с преобразованием условий его, с повышением образованности и сознательности людей важнейшим фактором является **сам общественно-полезный труд**, систематическое участие в нем личности. В. И. Ленин говорил о коммунистическом труде как о труде «по привычке трудиться на общую пользу и по сознательному (перешедшему в привычку) отношению к необходимости труда на общую пользу...» [3, т. 40, с. 315]. Такого рода привычка носит функциональный характер и формируется исключительно в процессе самого труда. Формы, которые должен принимать этот процесс, условия и продолжительность его протекания, соотношение возраста и наклонностей формирующегося человека с характером и содержанием выполняемого им труда — эти вопросы действительно требуют самого пристального внимания.

Оригинальная точка зрения представлена в работе Т. Шарипова «Отношение к труду и закономерности его формирования» [16]. Автор исходит из того, что труд, безотносительно к любой исторической эпохе, являлся и является для личности потребностью, поскольку он «был и всегда останется основой формирования человека» [16, с. 31]. Т. Шарипов предлагает различать труд как потребность и отношение к труду как к потребности. Задача, стоящая перед обществом, строящим коммунизм, как ее понимает автор, это задача по формированию у всех членов общества отношения к труду как к потребности, а не самой потребности, поскольку последняя есть атрибут человека как такового, — это то, что дано ему изначально.

Исходный пункт рассуждения Т. Шарипова (а именно то, что только на основе труда возможно формирование человека) бесспорен для марксиста. Более того, именно необходимость, а не просто желательность, привлекательность или полезность труда, должна быть основой для такого рода исследований. Однако вывод о том, что вследствие этой своей характеристики труд автоматически, при любых условиях, становится для человека потребностью, нуждается, на наш взгляд, в некоторых уточнениях, ибо автор явно отождествляет потребность с необходимостью, что не совсем верно.

Необходимость труда составляет только одну — объективную сторону сложного объективно-субъективного отношения,

каким является потребность в труде. Другая же, субъективная сторона отношения выпадает из поля зрения Т. Шарипова, хотя еще Ф. Энгельс писал, что «никак не избежать того обстоятельства, что все, что побуждает человека к деятельности, должно проходить через его голову» [2, с. 21, с. 290]. Если человек не относится к тому или иному предмету или действию как к объекту своей потребности, то у него нет в этом объекте потребности вообще, или, по крайней мере, она находится в стадии формирования. В равной мере это относится и к труду.

Т. Шарипов упускает из виду то, что объективная необходимость труда осознается вначале не на уровне личности, а на уровне общества. Реализация ее в условиях, когда потребность в труде у членов общества не сформирована, обеспечивается за счет особенностей организации общественной жизни, таких, например, как разделение общества на классы эксплуататоров и эксплуатируемых, где первые перекладывают на вторых всю тяжесть производственного труда, используя при этом различные средства и методы (вроде института надсмотрщиков в рабовладельческом обществе или различных систем заработной платы при капитализме), — именно в этих общественных структурах и закрепляется вначале необходимость труда.

С момента возникновения классов общество прошло длинный и трудный путь развития, прежде чем появилась возможность для превращения внешней необходимости труда во внутреннюю потребность личности. Превращение это обусловлено рядом объективных предпосылок, главную роль среди которых играют: революционное переустройство общества на социалистических началах, изменение характера и содержания трудовых процессов, повышение общеобразовательного, культурного, нравственного уровня всех членов общества и др.

В имеющейся по данной проблематике литературе значительно больше внимания уделено как раз предпосылкам и условиям, обуславливающим процесс превращения труда в потребность личности, которые, на наш взгляд, следует отличать от самого этого процесса. Механизм формирования потребности личности в труде пока не раскрыт в достаточной мере, хотя практическая ценность таких исследований несомненна.

Такой пробел подчас «мстит» за себя и в теории, оборачиваясь ошибочным положением. Так, в литературе можно встретить утверждение, что потребность в труде в своей основе носит физиологический характер [11, с. 7] или является комбинацией физиологической и нравственной потребностей [10, с. 14—17; 13, с. 14]. Нам представляется, что физиология, точнее психофизиология, имеет к данной потребности прямое отношение, но, тем не менее, не она, а необходимость для человека труда должна быть исходным пунктом в разработке проблемы. В действительности процесс формирования потребности в труде идет не от психологии и физиологии, а, напротив, от необходи-

мости труда, через труд к перестройке психики и физиологии в соответствии с трудовым образом жизни. Потребность эта является социальной по своему характеру, а в психике человека и в его физиологии она как бы находит свое «закрепление». Брать за исходное физиологию — значит совершать ошибку: при решении одной из важнейших проблем общественной жизни отдавать приоритет биологическому перед социальным. Ошибка эта методологического порядка, но связана и с тем обстоятельством, что сам процесс формирования потребности в труде, механизм его формирования пока достаточно не исследованы.

Осуществляемый в справедливых социально-экономических условиях высокопроизводительный общественно полезный труд, не связанный с чрезмерным напряжением и утомлением, — такой труд вполне способен доставить и уже доставляет личности радость и удовлетворение не одним только результатом, но и самим процессом. Связанные с ним положительные эмоции, систематически повторяясь, воздействуют на всю сферу психики человека, перестраивают последнюю с ориентировкой на возобновление трудовой деятельности снова и снова. Важно при этом иметь в виду, что труд будет всегда носить личный, индивидуально-конкретный характер [9, с. 331]. Отношение к нему со стороны отдельной личности определяется не только объективными его качествами, но зависит также и от субъективных качеств самой личности. Интересным, высокопроизводительным, общественно полезным труд должен быть не вообще, а для данного субъекта, а социально-экономические условия, в которых труд совершается, — справедливыми с точки зрения именно данного трудящегося. Речь идет о том, что на процесс формирования потребности в труде большое влияние оказывают интересы, мысли, настроения человека, которые могут не только значительно ускорить, но и существенно затормозить ход процесса. Учет этого обстоятельства вынуждает предъявлять особые требования к воспитательной работе, к ее целенаправленности и конкретности.

Задача по формированию потребности личности в труде непростая, ее выполнение потребует немало усилий и времени, но на эту серьезную работу ориентируют наше общество решения XXVI съезда партии.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 3. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 4. Брежнев Л. И. Отчет Центрального Комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза и очередные задачи партии в области внешней и внутренней политики. — Коммунист, 1981, № 4, с. 3—65. 5. Архангельский В., Нестеров В. Труд и мораль. — Свердловск, 1961.—250 с. 6. Бадеева Г. В. Труд и творчество. — М., 1966.—224 с. 7. Зорина З. Л. Коммунизм и стимулы к труду. — Свердловск, 1964.—160 с. 8. Коган Л. Н. От труда социалистического к труду коммунистическому. — Вopr. философии, 1960, № 2. 9. Косолапов Р. И. Социализм: К вопросам теории. — М., Мысль, 1979.—230 с. 10. Новоселов Н. С. О превращении труда в первую жизненную потребность. — М., 1961. — 180 с. 11. Подгало А. С.

К коммунистическому труду. — М., 1963.—245 с. 12. *Смирнов Г. Л.* Советский человек. — М., 1980.—170 с. 13. *Стогний И. П.* Трудолюбие как нравственное качество личности. — Киев, 1970.—140 с. 14. *Чангли И. И.* Труд. — М., 1973. — 160 с. 15. Человек и его работа. — М., 1967. — 220 с. 16. *Шарипов Т.* Новое отношение к труду и закономерности его формирования. — Ташкент, 1973.—245 с.

Поступила в редколлегию 21.04.81.

А. А. МАМАЛУИ, канд. филос. наук, Ю. И. ЗОЛОТАРЕВА

СОЮЗ ТВОРЧЕСКОЙ МЫСЛИ И ТВОРЧЕСКОГО ТРУДА

Существенно новый вклад XXVI съезда КПСС в осознание диалектики прогресса, диалектики жизни» [3, с. 31] особенно впечатляет вдохновенным словом о настоящем требовании современной эпохи — тесной интеграции науки с производством, о нерушимом союзе творческой мысли и творческого труда [3, с. 42—44]. Справедливость положения: «...строительство нового общества без науки просто немыслимо» [3, с. 42] — раскрывается в двух взаимосвязанных отношениях. Во-первых, коммунистическое строительство — это «объективный, но отнюдь не стихийный» [3, с. 52], сознательный, научно управляемый процесс, осуществляемый в соответствии с объективной истиной марксистско-ленинской теории, на незыблемом фундаменте которой КПСС строит всю свою революционно-преобразующую деятельность. В том, что «на нашей стороне — правда марксистско-ленинского учения» [3, с. 10], партия и народ черпают безграничную уверенность в торжестве великого дела борьбы за интересы людей труда, неиссякаемую решимость осуществить коммунистическое обновление мира. Коммунистическое созидание — созидание по законам марксистско-ленинской науки. Во-вторых, строительство коммунизма прямо предполагает всемерное использование высших достижений в развитии науки — «основе основ научно-технического прогресса» [3, с. 44]. XXVI, XXV и XXVI съезды КПСС разработали последовательную, отмеченную глубокой преемственной связью, программу соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социализма. Продолжая эту линию, XXVI съезд КПСС поставил задачу вывести все отрасли народного хозяйства на передовые рубежи науки и техники, с тем чтобы производственная, народнохозяйственная структура, с которой страна вступит в двадцать первый век, была способна воплотить в себе «основные черты и идеалы нового общества, быть в авангарде прогресса, олицетворять собой интеграцию науки и производства, нерушимый союз творческой мысли и творческого труда» [3, с. 44].

«Советское общество — это общество людей труда», — прозвучало с трибуны XXVI съезда КПСС [3, с. 57]. Освобождение

труда от эксплуатации расчищает социальные условия для превращения его в творчество, для преодоления всевозможных форм расщепления деятельности и становления всеобщего труда¹. Труд все более выступает как деятельное, практическое осуществление универсальной целостности общественного бытия, достигающееся путем диалектического снятия противоположности природной и социальной, материальной и идеальной, предметной и рефлексивной, объективной и субъективной сторон человеческой жизни. Именно становление труда в качестве всеобщего является необходимым основанием для его превращения в первую жизненную потребность. Только всеобщий труд может служить реализацией потребности в труде как первой и высшей жизненной потребности и одновременно воспроизводить эту потребность как существенный специфический фактор человеческой жизнедеятельности.

Но означает ли превращение труда в первую жизненную потребность возникновение новой, неизвестной ранее потребности или она в той или иной мере присуща человеку всегда? Если всеобщий труд становится практически истинным только в коммунистической формации, то не означает ли это, что потребность в труде до коммунизма вовсе отсутствует? А если она всегда присуща человеку, то как это согласуется со словами К. Маркса: «...в исторических формах труда, — таких, как рабский, барщинный, наемный труд, — труд выступает всегда как нечто отталкивающее, всегда является *трудом по внешнему принуждению*, а в противоположность ему не-труд выступает как «свобода и счастье» [1, т. 46, ч. 2, с. 110]? И почему во многих партийных документах, в том числе и в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду КПСС и очередных задачах партии в области внутренней и внешней политики развитие потребности в труде как первой жизненной потребности ставится в качестве задачи и настоящего и будущего?

Ответ на поставленные вопросы предполагает выяснение существенной определенности потребности в труде и способов ее выражения. Потребность в труде в определенной степени всегда присуща человеку не только как потребность в производстве средств существования, но и как специфически человеческая потребность в самоосуществлении, где труд выступает как средство самоутверждения человека и человеческого в мире. Именно потребность в самоосуществлении, а следовательно, потребность в труде поднимает индивида на высоту социальности. Трудом человека производится и воспроизводится как социальное су-

¹ Категория всеобщего труда разрабатывалась в ряде исследований, наиболее интересными из которых представляются работы А. С. Ахиезера, Г. С. Батищева, В. С. Библера, Е. Я. Режабека, Б. И. Шенкмана. Точка зрения авторов данной статьи выражена в работе «Единство культуры и свободного времени в свете марксовской категории всеобщего труда» [5].

щество, т. е. производится и воспроизводится его сущность, которая представляет собой «совокупность всех общественных отношений». Человек, как саморазвивающаяся система, способен к универсальной деятельности, к безграничной ассимиляции неисчерпаемого богатства совокупности всех общественных отношений. Производство человека есть производство общественных отношений в их целостности. Действительным содержанием процесса производства и воспроизводства человека является всеобщий труд, т. к. производство человека есть производство самой формы общения. Каким бы видом деятельности ни занимался человек, эта деятельность в своей сущности является общественной, человеческой именно потому, что она есть производство формы общения. Всеобщий труд непосредственно выражает сам способ общения, предполагая личностное индивидуальное общение, в котором самоосуществление индивидов происходит как универсализация их способностей на основе взаимного деятельного обмена последними.

Но даже если труд не является непосредственно всеобщим, т. е. не выражает непосредственно сам способ общения, в нем все равно имплицитно заключен момент всеобщности. Любой труд представляет собой процесс социализации индивида, но в докоммунистическом обществе последняя пробивает себе дорогу через превращенно-отчужденные формы. Включаясь в систему общественного производства, индивид тем самым включается в систему общения, что позволяет ему в большей или меньшей степени ассимилировать совокупность всех общественных отношений, олицетворять ее определенные моменты. Создавая жизненные средства в процессе производства, люди создают и общественные условия своей жизни. Труд является не только условием воспроизводства физического существования индивидов, но и способом их жизнедеятельности, определяющим специфику развития человека в качестве практически действующего социального существа.

Таким образом, труд представляет собой необходимое условие производства человека, а формирование потребности в труде является общесоциологической тенденцией.

Однако, исторически ограниченный характер труда в классовом обществе вступает в антагонистическое противоречие с этой общей тенденцией. В ходе развития общественного разделения труда единый в своей основе процесс универсального освоения мира человеком, обуславливающий универсальное развитие самого человека, расчленяется на материальный и духовный виды деятельности, которые становятся социально закрепленными функциями различных по своей классовой принадлежности групп людей. Причем, связь между производством идей и производством вещей проявляется не в формах совместной деятельности всех членов общества, — связующим мо-

ментом оказываются отношения между различными социальными группами, приобретающими характер классовых антагонизмов.

Развитие производительных сил, способствующее вычленинию свободного времени как особой части социального времени в условиях классово-антагонистической дифференциации общества и разделение труда, которое «делает возможным — более того: действительным, — что духовная и материальная деятельность, наслаждение и труд, производство и потребление выпадают на долю различных индивидов» [1, т. 3, с. 31], привело к тому, что свободное время наряду со своей истинной формой — временем свободной творческой деятельности, по сути дела временем самоосуществления индивида, — выступает и в превращенной форме прибавочного времени как времени производства прибавочного продукта, которое является одновременно и созиданием свободного времени для людей, не участвующих непосредственно в производстве жизненных благ. Таким образом, деятельность в духовном производстве (представляющая собой главным образом умственный труд) одних осуществляется за счет чрезмерного труда (по преимуществу физического) в материальном производстве других.

Вполне естественно, что господствующий класс монополизировал сферу духовного производства, так как она связана с организацией общественных отношений и сообщает этому производству классово ограниченные формы.

Развитие антагонистических формаций все более четко выявляет антагонизм между материальным и духовным производством и, соответственно, антагонизм производства материальных благ и производства человека, проявляющийся как расщепление производства человека в качестве производительной силы и в качестве субъекта культурно-исторического процесса. В соответствии с этим потребность в самоосуществлении перестает выступать как потребность в труде, а выступает в своей извращенной антагонистическим разделением труда форме как потребность в потреблении, что отнюдь не составляет специфического фактора человеческой жизнедеятельности. Эта превращенная форма потребности в труде настолько закрепляется в сознании, что даже тогда, когда исчезает ее основа — антагонизм материального и духовного производства, вызванный антагонистической формой существования необходимого и свободного времени, она продолжает характеризовать сознание части индивидов.

Однако, как бы ни вытравлялась, ни искажалась потребность человека в труде многовековой его эксплуатацией, она сохраняет и продолжает себя в силу того, что является существенной потребностью человека как такового, хотя это не всегда получает свое адекватное отражение в сознании трудящихся масс. Впрочем, господствующие классы в антагонистических формациях заинтересованы в развитии потребности в труде

как потребности в «частичном» труде. Но существование эксплуатации — труд рабочего сверх необходимого, создающий прибавочный продукт для владеющего средствами производства, т. е. превращение свободного времени в прибавочное рабочее время, принудительная работа сверх социально необходимого времени, ограничивающая способность человека к универсализации своей деятельности способностью к выполнению частных функций, — превращает труд в проклятье, вызывает отрицательное отношение к нему, «...дробит человека и уродует его» [2, т. 3, с. 414].

В условиях современного капитализма это противоречие обостряется. Автоматизированное производство выдвигает определенные требования к работнику, такие, как повышение образовательного уровня, инициативность, способность принимать оптимальные решения и т. д., которые предполагают личную заинтересованность трудящегося в процессе труда, что невозможно в условиях капиталистической формации.

Отчужденный труд не может стать осознанной потребностью. То, что в пределах капиталистического производства индивид развивается не только как производительная сила (хотя даже все новомодные, вызванные научно-техническим прогрессом эксперименты направлены на развитие индивида только в качестве производительной силы), но и как потенциальный субъект культурно-исторического процесса, является лишь эпифеноменом капиталистического производства, целью которого выступает производство прибавочного продукта. Актуализация этой потенции возможна тогда, когда индивид обладает простором для своего универсального развития, т. е. свободным временем, когда потребность в такого рода развитии становится внутренней потребностью индивида, когда никакие внешние, чуждые, господствующие силы не ограничивают его самоосуществление, когда эта возможность полностью реализуется в свободном творческом труде. «В материальном производстве труд может приобрести подобный характер лишь тем путем, что 1) дан его общественный характер и 2) что этот труд имеет научный характер, что он вместе с тем представляет собой всеобщий труд, является напряжением человека не как определенным образом выдрессированной силы природы, а как такого субъекта, который выступает в процессе производства не в чисто природной, естественно сложившейся форме, а в виде деятельности, управляющей всеми силами природы» [1, т. 46, ч. 2, с. 110].

Для того чтобы всеобщий труд стал практически истинным, необходимо разрешить противоречие между умственным и физическим трудом, устранить антагонизм материального и духовного производства, лежащий в основе дивергенции производства материальных благ и производства человека, которая характеризует материальное производство в антагонистических формациях, достигает высшей точки своего развития в условиях

капиталистического производства, и тем самым преодолеть противоположность производства человека в качестве производительной силы его же формированию как субъекта культурно-исторического процесса, т. е. превратить труд в первую жизненную потребность.

Решение этой проблемы может быть осуществлено только на основе ликвидации антагонистической формы существования свободного времени как противоположности прибавочному, т. е. устранение лежащей в ее основе антагонистической формы разделения рабочего времени на прибавочное и необходимое путем экспроприации трудящимися свободного времени — превращения прибавочного рабочего времени в необходимое рабочее время и равномерного его распределения между всеми работоспособными членами общества, что позволит свести его к такому минимуму, который определяется достигнутым уровнем развития производительных сил, и превратить свободное время во всеобщее достояние.

При социализме преодолен антагонизм материального и духовного производства, противоположность умственного и физического труда. Однако, являясь правом и обязанностью каждого, труд еще не стал по своему характеру всеобщим. Социализм утверждает социальные условия свободного труда, но технические условия им до сих пор не вполне соответствуют: не полностью преодолен частичный характер труда, еще существует тяжелый физический и малоквалифицированный труд, различие между умственным и физическим трудом [4, с. 282—283].

Поэтому в «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» особое значение придается «улучшению трудовой деятельности, всемерному сокращению ручного малоквалифицированного и тяжелого физического труда, облегчению его условий»; «труд, — отмечается здесь, — главная сфера жизнедеятельности человека, и важно постоянно обогащать его содержание, усиливать творческий характер» [3, с. 107].

КПСС уделяет большое внимание как осуществлению мероприятий по изменению характера труда, так и осуществлению мероприятий по воспитанию нового отношения к труду. И в том, и в другом достигнуты значительные успехи. На XXVI съезде КПСС отмечалось, что «...в производственной деятельности миллионов рабочих и колхозников все теснее переплетается физический и умственный труд. Многие из них — рационализаторы и изобретатели, авторы статей и книг, государственные и общественные деятели» [3, с. 53].

Полная ликвидация ручного, малоквалифицированного и тяжелого физического труда является не только экономической, но и социальной задачей, ибо, как сказано в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии, «решить ее — значит устранить существенные преграды на пути превращения труда

в первую жизненную потребность каждого человека» [3, с. 57], т. е. переместить личную заинтересованность человека с продукта на сам процесс труда и, следовательно, на человека, его развитие, которое становится самоцелью.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Материалы XXVI съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1981. — 224 с. 4. Косолапов Р. И. Социализм: К вопросам теории. — М.: Мысль, 1979. — 598 с. 5. Мамалуй А. А., Золотарева Ю. И. Единство культуры и свободного времени в свете марксовой категории всеобщего труда. — В кн.: Вестн. Харьк. ун-та, № 208, вып. 15. — Харьков: Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те, 1981, с. 39—45.

Поступила в редколлегию 25.02.81.

Л. Н. ДЕНИСКО, канд. филос. наук, А. С. СМЕТАНИН

О СУЩНОСТИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

За годы между XXV и XXVI съездами КПСС советские философы внесли существенный вклад в разработку проблем личности и прежде всего советского человека как нового исторического типа личности. Однако новые задачи, поставленные XXVI съездом КПСС, требуют дальнейшего углубленного исследования теоретических и практических вопросов, связанных с формированием нового человека. На съезде отмечалось, что прежде всего необходимо решить проблему формирования у личности соответствующих социалистической действительности интересов и потребностей, преодоления таких явлений, как мешанство, накопительство, наносящие немалый ущерб обществу и самой личности [3, с. 76].

Успешное решение поставленных задач требует теоретического осмысления ряда проблем в марксистской теории личности, и прежде всего анализа сущности социалистической личности, так как в философской литературе этот вопрос еще недостаточно разработан. Во многих публикациях сущность человека и личности отождествляются, а потому проблема последней сама собой разумеется решенной. В тех же работах, где анализируется сущность социалистической личности, она часто сводится к перечислению свойств или черт. Так, А. Н. Красин видит ее в социальных качествах: высокой гражданственности, коммунистическом мировоззрении, социалистическом отношении к труду, общественной собственности, в преданности идеалам коммунизма и т. д. [5, с. 72]. Подобный анализ выходит за пределы философско-социологического аспекта в область социологии, психологии, педагогики. Критерием в определении сущности социалистической личности для А. Н. Красина является необходимость формирования коммунистической, всесторонне развитой личности. С этим нельзя согласиться безоговорочно, так как автор пытается изучить существующее явление

с точки зрения должного, а такой нормативный подход справедливо был подвергнут критике [7, с. 44]. Другие исследователи, как, например, Б. К. Лебедев, в качестве основных черт называют владение общественными средствами и участие в организации и управлении общественным производством [6, с. 154—159]. Однако эти признаки не раскрывают достаточно сущности, а только характеризуют ее место в системе общественного производства. В подходе Б. К. Лебедева вскрыт важный аспект: общественные условия жизнедеятельности личности определяют только ее личностные свойства, а не сущность личности.

Основополагающими в понимании сущности личности являются положения классиков марксизма-ленинизма: 1) о сущности человека как совокупности общественных отношений [1, т. 3, с. 3]; 2) «сущность «особой личности» составляет не ее борода, не ее кровь, не ее абстрактная физическая природа, а ее *социальное качество...*» [1, т. 1, с. 242]; 3) личности являются носителями определенных социально-классовых отношений. Основовоположники марксизма подчеркивали, что личность, например, рантье, капиталиста и т. д. «обусловлена и определена вполне конкретными классовыми отношениями, и данное различие лишь в их противоположности к другому классу...» [1, т. 3, с. 77].

Эти важные методологические положения позволяют понять, что сущность личности и сущность человека понятия не тождественные — сущность человека характеризует его как родовое существо, а сущность личности выражает конкретно социальное содержание. Подчас эти различия не учитываются, когда ведется речь о человеке в определенных конкретных условиях. Вместе с тем, если речь идет о личности, не следует расширять рамки определяемого.

В системе общественных отношений классовые понятия являются главными, определяющими. Следовательно, сущность личности, выражаемая в определенном социальном качестве, будет зависеть в первую очередь от классовых отношений, и критерий выделения сущности необходимо искать в классовых отношениях. В условиях зрелого социализма классовые отношения базируются на внутренне присущих новому строю коллективистских началах. Как отмечалось на XXVI съезде КПСС, в период развитого социализма завершается перестройка всех общественных отношений на внутренне присущих новому строю коллективистских началах. Эта перестройка охватывает и материальную, и духовную сферы, весь уклад нашей жизни [3]. В развитом социалистическом обществе происходит дальнейшее сближение всех классов и социальных групп. Повышается роль рабочего класса в жизни общества, глубокие изменения происходят в крестьянстве, труд которого сближается с трудом рабочих, растет численность интеллигенции. В свою очередь, в производственной деятельности рабочих и колхозников все теснее переплетается физический и умственный труд.

Принципиально новые классовые отношения находят свое выражение в социалистическом образе жизни. XXV съезд КПСС не только подчеркнул значение советского образа жизни, но и выделил его основные черты. «Атмосфера подлинного коллективизма и товарищества, сплоченность, дружба всех наций и народов страны, которые крепнут день ото дня, нравственное здоровье, которое делает нас сильными, стойкими, — таковы яркие грани нашего образа жизни, таковы великие завоевания социализма, вошедшие в плоть и кровь нашей действительности» [2, с. 87].

Следовательно, с одной стороны, критерием в определении сущности социалистической личности является образ жизни, а с другой — социалистическая личность, ее всестороннее развитие, ее социальная активность выступает критерием образа жизни. Здесь налицо диалектическое единство, взаимодействие, взаимообусловленность социалистического образа жизни и социалистической личности. На эту обусловленность указал XXV съезд КПСС, она нашла широкое историческое обоснование на XXVI съезде партии, подтвердившем, что укрепление материальных и духовных основ социалистического образа жизни рассматривается как основа формирования нового человека. В материалах XXVI съезда КПСС социалистический образ жизни, критерий выделения сущности социалистической личности, различные его аспекты рассматривались с учетом того, что совершенствование социалистического образа жизни способствует всестороннему развитию личности.

Подчеркивая положение о том, что критерием сущности социалистической личности является образ жизни, следует исходить из того, что последний представляет собой способ или характер жизнедеятельности данной личности, социальной группы или всего общества, определяемый прежде всего способом производства, уровнем жизни, совокупностью естественных, географических и общественно-исторических условий, а также ценностных установок [4, с. 36]. Определяющим в образе жизни является способ производства, который, в свою очередь, основывается на конкретно-исторических классовых отношениях.

Из анализа образа жизни ясно, что одним из важнейших его критериев является уровень социальной активности масс и личности [8, с. 37]. В условиях развитого социализма активность личности выражается в новом качественном содержании. На XXV съезде КПСС было подчеркнуто, что «...ничто так не повышает личность, как активная жизненная позиция, сознательное отношение к общественному долгу, когда единство слова и дела становится повседневной нормой поведения» [2, с. 77].

Активная жизненная позиция концентрированно выражает активность личности в условиях развитого социализма. Если активность есть непременное социальное качество личности, то активность жизненной позиции ее более высокая ступень, ха-

ракторная тем, что в ней выражается органическое единство личности и общества. Активность жизненной позиции есть такая активность, которая нацелена на выполнение общественного долга, рассматриваемого как внутренняя потребность личности. В ней проявляется единство активности сознания и активности поведения личности, единство внутреннего и внешнего. Она имеет определенное конкретное содержание, обусловленное социалистическим образом жизни, характерным развитием социалистическому обществу.

Активная жизненная позиция социалистической личности связана с потребностями и интересами всего общества. В ней проявляется диалектическое единство общественных и личных потребностей и интересов, в основе которого лежит главная цель социальной политики партии на данном этапе строительства коммунизма — благо и счастье советских людей. Вместе с тем это и личностная предпосылка формирования всесторонне развитой личности, необходимым условием развития которой является активное отношение к окружающей действительности с целью ее преобразования, улучшения.

На ступени развитого социализма сформирована черта, которая в будущем коммунистическом обществе будет элементом всесторонне развитой социалистической личности. На каждой новой ступени строительства коммунистического общества формируются черты, свойства, которые будут присущи личности полного коммунизма.

XXVI съезд глубоко проанализировал проблемы советского человека и отметил проявление социальной активности в социалистическом соревновании, которое «по самой сути своей... основано на высокой сознательности и инициативе людей» [3, с. 69], в интернациональной помощи, оказываемой друзьям, в добросовестном труде на благо Отчизны, коллективизме и товарищеской взаимопомощи. Коммунистическая партия Советского Союза целеустремленно формирует активность жизненной позиции в личности, ибо это объективное требование совершенствования развитого социализма и перехода от него к коммунистическому обществу.

Активность жизненной позиции проявляется во многих качествах и свойствах социалистической личности. Выявить проявление сущности — задача самостоятельных исследований.

В данной статье была сделана попытка поставить вопрос о сущности социалистической личности, усматриваемой в активности жизненной позиции, и критерии ее выявления, каковым является социалистический образ жизни.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Материалы XXV съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1976.—256 с. 3. Материалы XXVI съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1981.—224 с. 4. Бутенко А. П. Социалистический образ жизни: Проблемы и суждения. — М.: Наука, 1978.—220 с. 5. Красин А. Н. Развитой социализм и проблемы становления коммунисти-

ческого типа личности. — М., 1979.—170 с. 6. Лебедев Б. К. Исторические формы социальных типов личности. — Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1976.—181 с. 7. Смирнов Г. С. Советский человек. — М.: Политиздат, 1973.—445 с. 8. Струков Э. В. Социалистический образ жизни. — М.: Мысль, 1977.—263 с.

Поступила в редколлегию 24.03.81.

Ю. Ф. МАКСИМЕНКО

О ПРИРОДЕ И СПЕЦИФИКЕ САМОСОЗНАНИЯ

XXVI съезд КПСС поставил перед советским народом большие и ответственные задачи по претворению в жизнь намеченной партией программы экономического, социально-политического и духовного развития нашего общества на одиннадцатую пятилетку и на период до 1990 года. Осуществление этих задач требует мобилизации всего творческого потенциала партии и народа, повышения уровня сознательности и организованности каждого члена общества. Чтобы обеспечить безусловное выполнение одиннадцатой пятилетки, требуется, в первую очередь, сказал Л. И. Брежнев, «высокое чувство ответственности и твердая, действительно коммунистическая, сознательная дисциплина. Но не менее необходимы... полет мысли, неустанный поиск нового... постоянная инициатива — инициатива везде и во всем» [3, с. 218]. В свою очередь, воспитание высокой ответственности, сознательной дисциплины и творческой инициативы у всех членов нашего общества требует повышения уровня самосознания людей, формирования у каждого человека правильных представлений о самом себе, о своей сущности, месте человека в обществе, его долге перед обществом и т. д. В силу этого теоретическая разработка вопросов самосознания приобретает все большую актуальность и практическую остроту. Последнее имеет важное значение для определения правильных путей и средств успешного формирования коммунистического сознания и самосознания у всех советских людей, особенно подрастающего поколения.

В последние годы проблема самосознания стала объектом многочисленных исследований. Появилось немало работ, в которых самосознание рассматривается в философском, психологическом, педагогическом и этическом аспектах. Это исследование С. Л. Рубинштейна, А. Г. Споркина, Б. Г. Ананьева, Е. В. Шороховой, И. С. Кона, В. П. Тугаринова, П. Р. Чаматы, Ф. И. Ильяшенко, И. И. Чесноковой и других авторов, внесших значительный вклад в разработку данной проблемы.

Однако, несмотря на достигнутый в этой области прогресс, все еще дискуссионным является вопрос о сущности и специфике самосознания, его соотношении с сознанием и ряд других связанных с этим проблем. Между тем недостаточная разработанность указанных вопросов затрудняет практическое решение задачи целенаправленного формирования коммунистической

сознательности и сознательной дисциплины трудящихся, на которую акцентировал внимание XXVI съезд КПСС.

Целью настоящей статьи является попытка дать философский анализ природы и специфики самосознания на основе обращения к работам классиков марксизма и современной научной литературе.

Философский аспект анализа самосознания отличается от психологического, педагогического, этического и других более высоким уровнем обобщения и требует охвата исследуемого явления в целом, в единстве многообразных его сторон. Однако такой план рассмотрения проблемы предполагает, прежде всего, выявление гносеологической сущности самосознания, а также его соотношения с объективным бытием субъекта. Как известно, впервые в научной форме проблема самосознания была поставлена и в основных чертах решена основоположниками марксизма. Уже в своих ранних произведениях К. Маркс и Ф. Энгельс подвергли резкой критике идеалистические учения о самосознании и вскрыли их теоретическую несостоятельность. В этом плане особенно характерна критика Марксом гегелевского учения о самосознании, данная им в «Экономическо-философских рукописях 1844 года». В этой работе К. Маркс решительно выступает против гегелевского понимания самосознания как субъекта, против отождествления сознания с самосознанием, а также сведения человека и его сущности к самосознанию. В этой связи он отмечает: «Человеческая сущность, человек для Гегеля равнозначен самосознанию. Поэтому всякое отчуждение человеческой сущности для него — не что иное, как отчуждение самосознания» [2, с. 628].

Углубляя критику такого понимания самосознания, основоположники марксизма в более поздних произведениях указывают, что в основе идеалистических мистификаций самосознания лежит метафизический подход, стремление «...вырвать Я из всех эмпирических жизненных отношений, из его деятельности, из условий его существования, отделить его от лежащего в его основе мира и от его собственного тела...» [1, т. 3, с. 279]. Именно такой подход к самосознанию является причиной того, что «человека Гегель делает *человеком самосознания*, вместо того чтобы самосознание сделать *самосознанием человека*, — действительного человека, т. е. живущего в действительном, предметном мире и им обусловленного» [1, т. 2, с. 210].

Таким образом, подвергая критическому анализу идеалистические теории самосознания, К. Маркс и Ф. Энгельс обращают внимание на ошибочность понимания самосознания как субъекта, на недопустимость сведения человека и его сущности к самосознанию. В противоположность идеалистической трактовке самосознания классики марксизма развивают положение о социальной, предметно-деятельной и чувственно-конкретной природе самосознания, подчеркивают, что самосознание следует

рассматривать не в качестве сущности, а в качестве свойства реального человека, которое порождается реальными условиями его бытия и ими же определяется. Но в чем состоит это свойство, каковы его особенности?

В широком плане самосознание — это способность человека выделять себя из окружающего мира и осознавать свое отношение к нему. «Животное, — пишет Маркс, — непосредственно тождественно со своей жизнедеятельностью. Оно не отличает себя от своей жизнедеятельности. Оно есть эта *жизнедеятельность*. Человек же делает самое свою жизнедеятельность предметом своей воли и своего сознания. Его жизнедеятельность — сознательная» [2, с. 565].

Таким образом, сознательное отношение к действительности, по Марксу, состоит в отличении себя от своей жизнедеятельности, в способности увидеть и оценить свою жизнь, свои действия и поступки как бы «со стороны». Отсюда самосознание выступает не чем иным, как свойством человеческого сознания, которое состоит в способности человека выделять и отличать самого себя, свое «Я» от всего, что его окружает.

Итак, самосознание классики марксизма рассматривают в органической связи с сознанием. И это не случайно. Ведь сознание и самосознание — однопорядковые явления человеческой психики, представляющие собой процесс идеального отражения действительности в человеческой голове. В этом плане сознание и самосознание внутренне едины и неотделимы друг от друга. Последнее обусловлено тем, что «у сознания и самосознания один носитель — человек, у них один орган — человеческий мозг» [9, с. 149]. Кроме того, сознание и самосознание общественно обусловлены и возникают и развиваются в тесном единстве с мышлением и языком, без которых они не существуют. Однако эта общность и это единство не означают полного тождества явлений сознания и самосознания. В этой связи в методологическом плане весьма важным является вопрос о соотношении сознания и самосознания.

В нашей философской и психологической литературе разные авторы по-разному трактуют этот вопрос. Между тем подобная ситуация, как справедливо отмечает Е. В. Черносвитов, подчас создает значительные теоретические трудности, например, в психиатрии, где авторы вынуждены оперировать указанными категориями, рассматривая проблему патологии личности, такие психопатологические феномены сознания, как деперсонализация, дереализация и т. п. [11, с. 150].

В понимании соотношения категорий «сознание» и «самосознание» в нашей литературе традиционно противопоставляются две точки зрения. Первая из них наиболее четко представлена в работах Е. В. Шороховой, К. К. Платонова и других авторов, которые считают, что самосознание — это «вид сознания» [14, с. 263], «высший уровень сознания» [6, с. 193] и что

для его возникновения и развития необходим определенный уровень сознания [14, с. 263]. Согласно этой точке зрения, «у человека могут существовать мысли, чувства, побуждения, которые он не понимает, хотя они вызывают его деятельность, хотя человек реагирует на отраженные в этих мыслях и чувствах явления» [14, с. 263]. Иными словами, подобный подход допускает существование сознательных актов психики, которые были бы лишены самосознания.

Вторая точка зрения на соотношение категорий «сознание» и «самосознание» в последнее время наиболее последовательно проводится Д. И. Дубровским, И. И. Чесноковой и другими исследователями. Суть ее состоит в том, что самосознание рассматривается как неотъемлемая сторона всякого сознательного акта. «Сознательные состояния личности, — пишет Д. И. Дубровский, — всегда сопровождаются чувством «Я» — неотъемлемым базисом самосознания и его генетически наиболее примитивной формой» [4, с. 220]. Аналогичную мысль высказывает И. И. Чеснокова, которая считает, что «в любом процессе сознания присутствует и самосознание в специфической своей форме — в форме осознания отнесенности акта сознания именно к моему «Я» [12, с. 214].

Вместе с тем в трактовке взаимоотношения «сознание — самосознание» существуют и другие несогласованные вопросы. В частности, это касается такого аспекта, как объект самосознания, его соотношение с объектом сознания и др. Эти вопросы в нашей литературе также истолковываются по-разному. Так, исходя из того факта, что самосознание предполагает подотчетность сознания своему носителю, некоторые исследователи объектом самосознания считают само сознание. Именно так подходит к данному вопросу В. П. Тугаринов, который пишет: «Самосознание есть сознание, направленное на самого себя: это — сознание, делающее своим предметом, объектом сознание» [10, с. 109]. Подобную точку зрения разделяет П. Ф. Протасеня, который, однако, под самосознанием понимает не только «осознание внутреннего мира субъектом», но и его выражение «во внешних формах» [7, с. 293]. Вместе с тем некоторые исследователи в самосознание включают осознание и элементов объективной действительности, непосредственно не входящих в структуру личности, в частности существующие общественные отношения [5, с. 142].

Нетрудно видеть, что такая несогласованность в понимании указанных вопросов затрудняет раскрытие сущности и специфики самосознания. Но чем она вызывается? С чем связаны подобные расхождения?

На наш взгляд, теоретические трудности при анализе самосознания порождаются рядом причин. Во-первых, исключительной сложностью и противоречивостью самого феномена самосознания. Ведь в самосознании объектом познания выступает сам

субъект. В этой связи в акте самосознания имеет место раздвоение человека и его сознания на «Я»-субъект и на «Я»-объект, в результате чего человек осознает себя как определенную реальность, отдельную от окружающей среды и других людей, и становится существующим не только для других, но и для самого себя. Во-вторых, расхождения в понимании природы самосознания связаны отчасти с тем, что при исследовании данной проблемы не всегда учитывается многозначность самого слова «самосознание». Между тем термин «самосознание», отмечает А. Г. Спиркин, обозначает различные, хотя и тесно связанные между собой явления: *самоконтролирующую функцию* сознания, ориентированного на вне его лежащие вещи, и сознание, основным объектом которого является человеческое «Я», т. е. *самопознание*, самоисследование [9, с. 143]. В-третьих, при анализе самосознания не всегда достаточно последовательно проводится принцип конкретности. Ведь самосознание вообще — это абстракция. В действительности реальное самосознание — это всегда самосознание конкретного носителя (индивида, коллектива, класса, общества и т. д.). Кроме того, реально функционирующее самосознание представляет собой процесс отражения действительности, который может находиться на самых различных уровнях. Вот почему при анализе самосознания необходимо учитывать не только форму его проявления, но и уровень, степень зрелости, или сформированности последнего.

Анализ природы самосознания требует, прежде всего, учета его единства с сознанием. Без сознания нет и не может быть никакого самосознания. Каково сознание, таково, в принципе, и самосознание субъекта. Однако из этого вовсе не следует, что закономерности сознания можно полностью переносить на самосознание. Научный анализ самосознания предполагает рассмотрение последнего в качестве особой стороны, особого момента всей деятельности сознания, которая, однако, имеет свои специфические особенности.

Эти особенности проявляются в том, что самосознание и сознание, во-первых, характеризуются различной направленностью. Если сознание направлено, по преимуществу, на внешний мир, то самосознание всегда направлено на конкретного субъекта и отражает прежде всего его место и роль в системе общественных отношений. Во-вторых, если сознание по преимуществу проявляется в отражении внешнего мира, то самосознание — в отношении субъекта к самому себе и своему месту в этом мире. Вот почему самосознание более «эмоционально», более «пристрастно», чем сознание внешнего мира. В-третьих, если основная функция сознания — познание окружающего мира, получение знаний о природе, обществе и человеке (вообще), то основная функция самосознания — познание и оценка человеком самого себя и основанная на этом саморегуляция дея-

тельности и социального поведения субъекта. В-четвертых, сознание и самосознание различаются по форме существования. Если «способ, каким существует сознание и каким нечто существует для него, это — знание» [2, с. 633], то самосознание существует преимущественно в форме убеждений, т. е. в форме особого знания и отношения.

Таким образом, самосознание в общей структуре сознания выступает как один из наиболее существенных его моментов. Однако анализ соотношения сознания и самосознания, как уже отмечалось, требует конкретного рассмотрения этого соотношения. В этой связи решение вопроса о соотношении сознания и самосознания предполагает рассмотрение его в следующих аспектах: во-первых, как соотносятся сознание и самосознание в филогенезе; во-вторых, как соотносятся сформировавшееся, зрелое сознание и самосознание субъекта; в-третьих, как соотносятся сознание и самосознание в процессе онтогенеза.

Очевидно, в каждом из этих аспектов соотношение сознания и самосознания будет иметь свои особенности. Если иметь в виду исторический процесс формирования сознания и самосознания, то здесь сознание и самосознание возникают одновременно: «Сознание, конечно, есть вначале осознание ближайшей чувственно воспринимаемой среды и осознание органической связи с другими лицами и вещами, находящимися вне начинающего сознавать себя индивида...» [1, т. 3, с. 29].

Соотношение развитого, зрелого сознания и самосознания предполагает выяснение вопроса, может ли развитое сознание существовать без самосознания. Отрицательный ответ на этот вопрос вытекает из того, что акты сознания всегда отнесены конкретному субъекту и сознание внешней действительности всегда сопровождается чувством «Я», так как это именно «мое» знание о мире, «мое» отражение внешней действительности и самого себя. В свою очередь, анализ соотношения сознания и самосознания в процессе формирования отдельной личности предполагает выяснение вопроса, что раньше — сознание или самосознание — в своем становлении приобретает развитую, зрелую форму. Как показали исследования психологов, в онтогенезе самосознание в более или менее отчетливой форме своего проявления возникает несколько позже сознания [13, с. 28—29]. Но отсюда неправильно делать вывод о том, что самосознание вообще является высшим уровнем сознания. На наш взгляд, самосознание выступает как высший уровень сознания только на зрелой ступени своего развития, когда оно включает в себя сознание как свой собственный элемент. Именно такое самосознание по своему содержанию будет «богаче», шире и разнообразнее сознания. Однако это не означает, что объектом самосознания является «чистое» сознание, т. е. сознание, оторванное от внешнего мира и от своего носителя. В этой связи весьма узкими представляются определения самосозна-

ния в виде «сознания сознания», «отражения отражения» и т. п. В этих определениях, на наш взгляд, в лучшем случае отражается лишь самоконтролирующая функция сознания, такое его свойство, как подотчетность сознания своему субъекту. Но служит ли это основанием для вывода о том, что сущность самосознания выражает рефлексия? Думается, что нет. Ведь человек не является только духовным существом, лишь субъектом сознания. По Марксу, он прежде всего «телесное, чувственное, предметное существо...» [2, т. 42, с. 163]. К тому же первично — он субъект практической деятельности. Поэтому определение самосознания, очевидно, должно включать в себя определения человека как субъекта не только духовной, но и практической, чувственно-предметной деятельности. Вот почему мы разделяем точку зрения тех авторов, которые считают, что «самосознание — это не осознание сознания, а осознание самого себя, как существа, осознающего мир и изменяющего его, — как субъекта (действующее лицо) в процессе его деятельности, практической и теоретической, деятельности осознания в том числе» [8, с. 366].

Правомерность такого подхода к самосознанию подтверждается историческим генезисом самосознания. Ведь самосознание исторически возникает в ответ на общественную потребность в саморегуляции деятельности и социального поведения человека. Подобно сознанию, оно формируется в процессе деятельности по мере того, как человек становится ее субъектом. Подчеркивая роль общественно-практической деятельности в историческом становлении самосознания, К. Маркс писал: «Человек удваивает себя уже не только интеллектуально, как это имеет место в сознании, но и реально, деятельно и созерцает самого себя в созданном им мире», [2, с. 566]. Вот почему сущность и специфику самосознания можно верно отразить лишь исходя из диалектико-материалистического принципа активного отражения социальной действительности в сознании субъекта на основе общественно-практической деятельности.

Итак, самосознание, рассматриваемое в широком плане, может быть определено как процесс выделения человеком самого себя из окружающего мира, как осознание общественным субъектом способа своего объективного существования в мире, основанного на предметно-практической деятельности.

Существуя в органической связи с сознанием, самосознание не является самостоятельной формой или видом сознания. Это — специфическое свойство сознания общественно развитого человека, состоящее в идеальном самоотражении, объектом которого выступает сам субъект практической и познавательной деятельности во всех ее видах и конкретных проявлениях.

Будучи порождением общественного бытия людей, и прежде всего их практической деятельности, самосознание играет

исключительно важную роль в жизни человека и общества. Благодаря самосознанию человек превращается из субъекта «в себе» в субъект «для себя», обретает возможность сознательно направлять и контролировать свои поступки, воспитывать и совершенствовать себя. Однако эти функции самосознания в полной мере могут проявиться только в условиях социалистического общества, создающего необходимые предпосылки для всестороннего и гармонического развития личности.

Как подчеркнул XXVI съезд КПСС, «мы располагаем большими материальными и духовными возможностями для все более полного развития личности и будем наращивать их впредь. Но важно вместе с тем, чтобы каждый человек ими разумно пользовался» [3, с. 63]. Важное условие этого — формирование коммунистического сознания и самосознания у всех советских людей.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. — М.: Госполитиздат, 1956.—689 с. 3. Материалы XXVI съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1981.—224 с. 4. Дубровский Д. И. Психические явления и мозг. Философский анализ проблемы в связи с некоторыми актуальными задачами нейрофизиологии, психологии и кибернетики. — М.: Наука, 1971.—386 с. 5. Зыкунов А. В. О социальном содержании самосознания личности. — В кн.: Некоторые проблемы формирования личности. — Красноярск: Кн. изд-во, 1968.—370 с. 6. Платонов К. К. Сознание и личность. — В кн.: Проблемы сознания. — М., 1966, с. 186—194. 7. Протасеня П. Ф. Происхождение сознания и его особенности. — Минск: Изд-во Белорус. ун-та, 1959.—310 с. 8. Рубинштейн С. Л. Человек и мир (отрывки из рукописи). — В кн.: Методологические и теоретические проблемы психологии. — М.: Наука, 1969.—376 с. 9. Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. — М.: Политиздат, 1972. — 303 с. 10. Тугаринов В. П. Философия сознания: Современные вопросы. — М.: Мысль, 1971.—199 с. 11. Черносвитов Е. В. Самосознание в структуре сознания. — Филос. науки, 1974, № 4. 12. Чеснокова И. И. Самосознание личности. — В кн.: Теоретические проблемы психологии личности. — М.: Наука 1974.—319 с. 13. Чеснокова И. И. Проблема самосознания и психологии. — М.: Наука, 1977.—144 с. 14. Шорохова Е. В. Проблема сознания в философии и естествознании. — М.: Соцэкгиз, 1961.—363 с.

Поступила в редколлегию 22.03.81.

В. И. ШТАНЬКО

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СВЕТЕ РЕШЕНИЙ XXVI СЪЕЗДА КПСС

Труд — главная сфера жизнедеятельности человека и важно постоянно обогащать его содержание, усиливать творческий характер, — подчеркивается в материалах XXVI съезда КПСС. Велика роль в этом процессе принадлежит средствам вычислительной техники, автоматике, электронике, кибернетике. «Поистине революционные возможности, — отмечал

Л. И. Брежнев в Отчетном докладе, — открывает создание и внедрение миниатюрных электронных управляющих машин, промышленных роботов. Они должны получить самое широкое применение» [2, с. 36]. Это позволит превратить труд не только в более производительный, но и более содержательный, творческий и интересный.

Тенденции автоматизации и работизации физического и умственного труда породили целый ряд проблем не только технического, но и существенно философского — методологического и мировоззренческого — характера. «Кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот, — как указывал В. И. Ленин, — неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «наткаться» на эти общие вопросы» [1, т. 15, с. 368]. Наиболее актуальными из них в данном случае являются проблемы соотношения возможностей естественного и искусственного интеллекта, методов и форм автоматизации интеллектуальной деятельности с помощью кибернетической техники и ее социальных последствий; сущности и роли теоретико-информационных концепций и методов при исследовании мышления. От их правильного — в методологическом и мировоззренческом аспектах — решения зависит выбор методологии проектирования и применения роботов и систем «искусственного интеллекта».

Ошибочные философские — гносеологические и социальные — взгляды на возможности кибернетической техники и теоретико-информационных представлений, непонимание границ их применения приводят не только к переходу некоторых естествоиспытателей на позиции механицизма (кибернетического и информационного редукционизма), к противопоставлению кибернетики и теории информации материалистической диалектике, но и ко многим «тупиковым» разработкам в области психологии, лингвистики, социального управления. Их детальный анализ необходим для преодоления серьезных трудностей, на которое натолкнулось в последние годы — после первых многообещающих успехов — проектирование и применение систем «искусственного интеллекта».

С нашей точки зрения, многие трудности кибернетического моделирования мыслительной деятельности и «тупиковые» разработки систем «искусственного интеллекта» обусловлены во многом неадекватной методологической установкой научного понимания и исследования самого процесса мышления, его нейрофизиологических и психических механизмов и ошибочным подходом к пониманию роли систем «искусственного интеллекта» в автоматизации творческой интеллектуальной деятельности человека. Рассмотрим это более подробно.

В основе большинства таких исследований мышления лежит методологическая установка, сформировавшаяся в классической науке и глубоко укоренившаяся в стиль научного мыш-

ления естествоиспытателей. Суть ее заключается в том, что подлинное понимание сущности того или иного явления достижимо только на пути расчленения объекта исследования на отдельные неизменные, изначально четко отделенные друг от друга элементы. Эта установка по существу и обусловила те исходные предположения и постулаты, которые явились основой для моделирования мыслительной деятельности и создания систем «искусственного интеллекта». Они наиболее отчетливо выражены А. Ньюэллом и Г. Саймоном: «В основе свободного поведения мыслящего человека лежит сложный, но конечный и вполне определенный комплекс правил переработки информации» [7, с. 301]. То есть в основе кибернетического и теоретико-информационного подхода к пониманию процесса мышления лежит предположение о том, что все виды мыслительной деятельности могут быть представлены как совокупность элементарных информационных процессов и описаны через совокупность детерминированных пошаговых переходов от одной операции к другой, т. е. сведены к некоторому множеству подпадающих формализации процессов.

Однако многочисленные нейрофизиологические и психологические исследования механизмов мыслительной деятельности дают основание считать эти исходные представления существенно ограниченными. Психологические исследования показывают, что процессы решения задач человеком в значительной степени осуществляются не за счет актуализации и перебора заранее известных альтернативных возможностей, а за счет порождения новых гипотез, порождения и разрешения конфликтных ситуаций, для выхода из которых нет фиксированных правил [5; 10]. Существенную роль в процессах человеческого мышления (и процессах решения задач) играет способность человека учитывать нечеткие ситуации, не прибегая при этом к их точной формулировке; способность к «глобальному рассмотрению» объектов, феномен целостности мыслительно-абстрактного и чувственно-сенсорного восприятия [4; 8].

Существенная целостность, континуальность человеческого мышления, которое по своей природе не может быть представлено как совокупность однородных, относительно неизменных и изначально индивидуализированных событий подчеркивается и в исследованиях В. В. Налимова, А. В. Брушлинского [3; 6]. Утверждение о целостном, континуальном характере человеческого мышления, которое принципиально невозможно представить как конечную совокупность правил переработки информации, исходит и из анализа семантики естественного языка. Исследования В. В. Налимова в этой области позволяют сделать вывод, что за обыденным дискретно организованным сознанием стоит глубинное сознание, континуальное по своей природе. И если для логического сознания (внечувственного и символического) характерна языковая дискретизация, осмы-

сливание мира в непротиворечивых построениях и упорядочивание воспринимаемого в причинно-следственных и пространственно-временных категориях, то континуальное мышление (мышление «чувственными конкретными». — И. М. Сеченов) характеризуется целостностью и невыразимостью в дискретных средствах языка, нарушением привычных пространственно-временных представлений [6, с. 30].

Этим, по-видимому, можно объяснить трудности, связанные с моделированием и воспроизведением в технических устройствах переработки информации процесса восприятия, эмоциональной и мотивационной сторон мыслительной деятельности; практикой автоматического перевода. Сравнительный анализ механизмов восприятия и распознавания образов человеком и искусственными информационными системами (интеллектуальными роботами, ЭВМ) показывает, что в их основе лежат качественно различные принципы. Информационные модели восприятия частично воспроизводят только сукцессивное узнавание, для которого характерно развернутое и последовательное рассмотрение объекта по отдельным признакам и частям. Симультанное же узнавание, в основе которого — учет формы «всей фигуры в целом», контекста, фона и т. п., т. е. целостные признаки объекта, принципиально не может быть представлено и исследовано с помощью множественных по своей природе теоретико-информационных представлений и моделей.

Особенно отчетливо изначальная целостность, невозможность представления мыслительной деятельности через совокупность априорно индивидуализированных элементов проявляется в особых дорефлексивных, «нерасчлененных» отношениях между субъектом и объектом, которые характерны для эмоций, потребностей, мотивов. В этих психических состояниях исчезает гносеологическая противоположность между объективным и субъективным, объектом и субъектом, — они переживаются как единое целое. Именно поэтому эмоциональную и мотивационную сферу психической деятельности невозможно выразить в терминах манипуляции символами, через совокупность «элементарных информационных процессов».

Таким образом, анализ трудностей, возникающих при кибернетическом, теоретико-информационном моделировании мыслительной деятельности и создании систем «искусственного интеллекта», показывает, что в основе их лежит неадекватность исходных методологических предположений и гипотез о механизмах мыслительной деятельности человека. Сосредоточив внимание только на множественной природе механизмов мышления, на возможности представить мыслительный процесс через совокупность отдельных, «априорно» индивидуализированных элементов — элементарных информационных процессов, ученые в силу этого потеряли возможность понять и объяснить

целостность мыслительного процесса, которая, как выясняется, имеет фундаментальное значение для понимания психических и физиологических механизмов его.

Осознание этих обстоятельств приводит к необходимости отказа от предположения о возможности полного и абсолютного разложения различных видов мыслительной деятельности на конечную совокупность правил переработки информации, отказа от односторонней абсолютизации множественного аспекта в понимании процессов мышления.

Методологической основой для более адекватного понимания особой целостности мыслительной деятельности является введение противоположного и дополнительного традиционному представлению о конечной неразложимости акта мышления на множество изначально индивидуализированных элементов. Предположение об особой целостности мыслительного процесса является естественной основой введения представления о присущих ему потенциальных возможностях, всегда дополняющих не поддающееся полной детализации состояние мышления. В этом структура мыслительного акта в некотором смысле аналогична структуре квантовой системы [11]. Она также с необходимостью должна описываться в терминах потенциально возможного: набора возможных смыслов, возможных путей и подходов к решению задач и т. п. Все их многообразие, оставаясь скрытым и чрезвычайно динамичным, меняющимся, вместе с тем через фундаментальное свойство целостности оказывается взаимносогласованным и скоррелированным. Развитие этих представлений позволяет понять чрезвычайную гибкость реального процесса мышления: актуализация потенциальных возможностей, органически входящих в его целостную и неподдающуюся однозначному описанию структуру, есть неисчерпаемый источник его развития и приспособления к новым фактам действительности. При этом следует особо отметить, что в реальной мыслительной деятельности перед нами нет «априорно» заданного заранее набора возможностей: они формируются в процессе развития мыслительной деятельности непрерывного взаимодействия субъекта с окружающей средой.

Это объясняет принципиальную невозможность полной формализации и алгоритмизации мыслительной деятельности, невозможность выразить ее существенные особенности (главным образом те, которые связаны с образными и эмоционально-мотивационными сторонами мыслительного процесса, полисемантичностью естественного языка) в понятиях и представлениях теорий информации, множественных по своей природе. Теоретико-информационные представления отражают только один из аспектов мыслительного процесса — множественную его структуру, но не позволяют исследовать противоположную и дополнительную к ней его сторону — единство, целостность,

взаимную согласованность и скоррелированность присущих субъекту познания потенциальных возможностей формирования новых и необычных путей решения проблем.

Но принципиальная невозможность алгоритмизации и полной формализации мыслительной деятельности, обусловленная особым характером ее целостности, не дает оснований для пессимистических выводов о перспективах применения ЭВМ в области автоматизации и роботизации интеллектуальной деятельности человека, повышения ее эффективности, усиления творческого характера.

Трудности применения систем «искусственного интеллекта» в настоящее время выражают не кризис применения ЭВМ как средства повышения эффективности умственного труда, а кризис их автономного использования [8]. Осознание невозможности полной формализации процессов распознавания образов, оптимального управления, автономного машинного перевода приводит к необходимости изменения стратегии применения систем искусственного интеллекта в сфере интеллектуальной деятельности — от стремления к полной замене человека в этих областях деятельности, полной их автоматизации к пониманию необходимости формирования высокоэффективных систем диалогового взаимодействия человека и ЭВМ и их симбиоза. Такой подход исключает абсолютное расчленение формализуемых и неформализуемых компонентов интеллектуальной деятельности, что позволяет более органично соединить огромные формально-логические возможности систем «искусственного интеллекта» с такими неформализуемыми способами решения задач, которые обусловлены особым характером целостности мыслительной деятельности.

Из сказанного ясно, что дальнейшее развитие исследований в направлении методологического обеспечения проектирования, создания и применения электронно-вычислительной техники на основании осознания и преодоления тех принципиальных методологических трудностей в исследовании мышления, которые выявлены в настоящее время, будет способствовать решению грандиозных практических задач, поставленных перед естественными и техническими науками «Основными направлениями экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года».

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Брежнев Л. И. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. — Коммунист, 1981, № 4. 3. Брушлинский А. В. Мышление и прогнозирование. — М., 1979. 4. Дрейфус Х. Чего не могут вычислительные машины. — М., 1978. 5. Интеллект человека и программы ЭВМ. — М., 1979. 6. Налимов В. В. Вероятностная модель языка. — М., 1979. 7. Вычислительные машины и мышление. — М., 1967. 8. Орфеев Ю. В. Философские проблемы соотношения мышления человека

и возможностей ЭВМ в процессе решения задач. Автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филос. наук. — М., 1974. 9. Подольский А. И. Формирование симультанного опознавания. — М., 1978. 10. Тихомиров О. К. Структура мыслительной деятельности человека. — М., 1969. 11. Цехмистро И. З. Поиски квантовой концепции физических оснований сознания. — Харьков: Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те, 1981. 12. Шехтер М. С. Психологические проблемы узнавания. — М., 1967.

Поступила в редколлегию 23.04.81.

А. А. ИВАНИЩЕНКО, канд. филос. наук, Г. В. НОСКО

О ДИАЛЕКТИКЕ ОБЪЕКТИВНОГО И СУБЪЕКТИВНОГО УРОВНЕЙ ВЗАИМОСВЯЗИ ФИЛОСОФСКОГО И КОНКРЕТНОГО ПОЗНАНИЯ НА РАННЕМ ЭТАПЕ ТВОРЧЕСТВА К. МАРКСА

Одной из важнейших задач общественных наук, как отмечалось на XXVI съезде КПСС, является «разработка проблем диалектического и исторического материализма» [4, с. 2]. Творческое развитие марксистско-ленинской теории необходимо предполагает постоянное обращение к сокровищнице марксистской мысли — основополагающим трудам классиков марксизма-ленинизма. В этой связи значительный интерес представляет исследование генезиса философии марксизма. По данной проблеме имеются фундаментальные исследования Г. А. Багатуря, В. А. Вазюлина, Н. И. Лапина, Т. И. Ойзермана [5; 6; 8]. Однако в обозначенном нами аспекте эти авторы не исследовали взаимосвязь философского и конкретного познания в генезисе философии марксизма. Между тем оно позволяет более доказательно и обоснованно решать актуальный в теоретическом и практическом отношении вопрос о характере взаимосвязи между современным конкретно-научным познанием и марксистской философией.

Мы ограничили свое исследование в основном статьями К. Маркса в «Рейнской газете» (1842—1843 гг.) и Рукописью 1843 г. Такой выбор обусловлен тем, что именно в этот период деятельности К. Маркса намечается и происходит его переход с младеггелянских позиций на позиции материалистического миропонимания. В статьях в «Рейнской газете», отмечал В. И. Ленин, «намечается переход Маркса от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму» [2, т. 26, с. 82]. Некоторые советские исследователи пришли к выводу, что наметившийся переход К. Маркса к сознательному материализму окончательно происходит в Рукописи 1843 г. [8, с. 203; 6, с. 173]. Этот первоначальный этап на пути к выработке диалектико-материалистического мировоззрения и выделяется нами как объект анализа.

Будучи редактором «Рейнской газеты», К. Маркс делает предметом своего исследования такие политико-правовые проблемы, как соотношение государства и гражданского общества,

законодательства и частных интересов, политического управления и народа, государственной цензуры и свободной печати. При этом К. Маркса интересуют не сами по себе нормы права и формы государственности как налично существующие и подлежащие лишь реализации в правовой деятельности, а их происхождение и сущность. Это вызывает необходимость обратиться к философской методологии, с позиций которой и рассматриваются политико-правовые вопросы. Так, в статье «Дебаты по поводу закона о краже леса» К. Маркс считает неразумным обычное право привилегированных слоев, хотя оно и зафиксировано в позитивном существующем праве. Соответствующим разумному здесь признается обычное право бедноты [1, т. 1, с. 127]. Тем самым формы собственности как частные интересы выводятся К. Марксом из разумности права. Это означает, что, поскольку обычное право крестьян собирать валежник в лесу является разумным, постольку владение ими этой формой собственно законно, а потому должны быть отвергнуты притязания на нее со стороны лесовладельцев как противоречащие разумности. Подобно тому как в представлении К. Маркса частный интерес является подчиненным разумному праву, точно так же он убежден в необходимости подчинения частного интереса граждан собственному характеру государства как всеобщего, целого, которое необходимо должно господствовать над частным, единичным. Истинное, отвечающее своей природе государство, видится ему как «великий организм, в котором должны осуществиться правовая, нравственная и политическая свобода, причем отдельный гражданин, повинувшись законам государства, повинувается только естественным законам своего собственного разума, человеческого разума» [1, т. 1, с. 112]. Иначе говоря, истинная природа государства — в его разумности, и эта разумность должна подчинять себе частные интересы, государство ни в коем случае не должно действовать «сообразно характеру частной собственности, вместо того чтобы действовать сообразно своему собственному характеру» [1, т. 1, с. 137].

Таким образом, рассматривая политико-правовые феномены, К. Маркс субъективно выводит сущность права и государства из разума, т. е. в качестве той философской методологии, которую он сознательно применяет, выступает по существу гегелевская философия. Это означает, что на уровне сознательной философской рефлексии (на субъективном уровне) природа права и государства рассматриваются с позиций гегелевского идеализма. Как известно, Гегель считал, что в противоположность позитивной юриспруденции, изучающей действительные проявления права (наличные юридические законы), философия права должна постигать мысли, понятия, лежащие в основании права [7, т. 7, с. 24]. Философия права дает позитивной юриспруденции как конкретной области познания, как конкретной науке понятие пра-

ва, которое позитивная юриспруденция должна воспринять как данное. «Понятие права по своему становлению трактуется поэтому вне науки права, его дедукция предполагается здесь уже имеющейся, и его нужно принять как данное» [Там же]. К. Маркс не говорит прямо о характере взаимосвязи между философией и конкретным познанием, т. е. изучением конкретных политико-правовых вопросов. Но его общая идеалистическая позиция, проявившаяся на субъективном уровне в понимании природы права и государства, о чем речь шла выше, позволяет, как нам кажется, заключить, что понимание им взаимосвязи между философским и конкретным познанием было близко гегелевскому. То есть на осознанном, субъективном уровне конкретное познание рассматривается как подчиненное философскому, ведь сам предмет конкретного исследования — политико-правовые институты — видится К. Марксу опосредованным, положенным разумом. В его субъективном представлении анализируются не сами по себе социально-политические и правовые феномены, а опосредованные разумом, т. е. рассматриваются понятия права, государства, а не сами по себе в их естественном возникновении и развитии, что и является предметом конкретно-научного познания. Таково реконструированное нами субъективное понимание К. Марксом взаимосвязи между философским и конкретным познанием.

Означает ли это, что К. Маркс не только так субъективно выражал эту взаимосвязь, но и в действительности реализовывал ее? Как мы помним, на осознанном уровне философской рефлексии относительно природы права и отношения его к частному интересу К. Маркс обосновывает обычное право для крестьян его разумностью, подчиняя ему частные интересы. Однако, анализируя действительные, фактически происходящие социально-правовые явления, К. Маркс поступает наоборот: само обычное право выводится им из частных отношений, из отношений собственности. Право собирать валежник следует уже из того, что крестьяне лишены «всякой другой собственности» [1, т. 1, с. 129], что поэтому они инстинктивно стремятся оформить эту собственность (на валежник в лесу) в виде обычного права, т. е. испытывают связанное с этой собственностью «правовое стремление» [Там же]. Следовательно, в контексте конкретного анализа конкретных явлений социально-правовой действительности реализуется уже иное видение природы отношения: право-частный интерес, т. е. фактически здесь воплощается иная философская методология, а именно: право по своей природе вторично к частному интересу, порождается им, а не идеей разумности. Эта по существу материалистическая философская методология реализуется в контексте конкретно-исследования социально-правовых феноменов действительности, но еще здесь не осознается К. Марксом, она воплощается лишь на объективном уровне.

Точно так же вопреки своей субъективной методологии, согласно которой государство как всеобщая целостность подчиняет себе частный интерес, анализируя **действительные, конкретные** государство и частный интерес (соответственно прусскую монархию и интерес собственности лесовладельца), К. Маркс делает вывод, что «частный интерес стремится низвести и низводит государство до роли средства частного интереса» [1, т. 1, с. 137—138]. Подобные выводы стали возможны потому, что в действительном процессе конкретного познания анализировались сами политико-правовые феномены, а не понятия о них. Как отмечает в этой связи Н. И. Лапин, К. Маркс анализирует здесь «не понятия сословий, государства и т. д., а факты, *действительную природу* различных явлений общественной жизни и их действительные взаимоотношения» [8, с. 111]. Таким образом, в процессе конкретного познания, исследуя действительные факты и явления общественной жизни, К. Маркс фактически реализует иную философскую методологию, отличную от принятой на субъективном уровне философской рефлексии. Это значит, что в тех рассуждениях о природе государства и права, которые он делает в органической связи со своими исследованиями конкретных общественных явлений, фактически, в действительности, но еще в неосознанной на уровне философской рефлексии форме (т. е. на объективном уровне) намечается иная философия, методология или логика понимания природы государства и права, а именно: объяснение государства и права не из идеи разумности, а из действительных (материальных) явлений общественной жизни. Складывается своеобразная ситуация: когда рассматриваются в общем виде природа государства и права в их отношении к частному интересу (на уровне осознанной философской рефлексии или на субъективном уровне), то К. Маркс занимает идеалистическую позицию. Однако при исследовании действительных факторов, реальных конкретных общественных явлений им реализуется иная философская методология (материалистическое миропонимание), которая пока еще не осознается на уровне субъективной философской рефлексии, остается лишь объективно реализованной. Это и приводит к тому, что, как отмечает В. С. Нерсисянц, «в статьях К. Маркса из «Рейнской газеты» встречается своеобразное сочетание критики реальной государственно-привоей практики и обусловленной гегелевским идеализмом трактовки государства и права как нравственных и разумных по своей идее явлений» [10, с. 134].

Складывающееся материалистическое понимание природы социально-правовых феноменов, реализующееся пока на объективном уровне в контексте конкретного их познания, обуславливало (так же на объективном уровне) становление нового типа взаимосвязи между философским и конкретным познанием. А именно: философские выводы должны делаться на осно-

ве конкретного познания действительности, в процессе исследования конкретных общественных явлений. Именно таким способом (как было показано выше) формируются элементы материалистического миропонимания в их отношении к конкретному познанию социально-политических феноменов, о чем свидетельствует ход фактического познавательного процесса К. Маркса. В самом деле, исследуя конкретные государство и право в их отношении к частному интересу, К. Маркс в органической связи с этим конкретным познанием делает (на объективном уровне) определенные философские выводы (материалистически решает вопрос о сущности права и государства). Следуя же его субъективным представлениям, предмет конкретного познания должен быть подчинен философскому постижению истины, понимание конкретных общественных явлений должно обуславливаться предпосланными этому конкретному познанию философскими идеями (всеобщего разума, воплощающимися в реальных явлениях). В таком случае, как хорошо сказал об этом В. А. Вазюлин, «в анализе бедственного положения примозельского края необходимо исходить из целого, всеобщего, единства и идти к различиям, сторонам, как полностью полагаемым всеобщим, единством, целым. По сути дела следовало бы пользоваться дедукцией, оторванной от индукции» [6, с. 154]. В этой связи В. А. Вазюлин констатирует следующую методологическую противоречивость, характерную для статей в «Рейнской газете». «По сути дела (здесь. — А. И. и Г. Н.) присутствуют два противоречащих методологических подхода к предмету, — пишет он. — Однако, один подход осознается, выделяется во всеобщей форме (зависимость предмета от метода, положенность земной действительности разумом), другой осуществляется фактически, в частной форме...» [6, с. 97]. Если пользоваться принятым нами понятийным аппаратом, то это и означает несовпадение объективного и субъективного уровней взаимосвязи философского и конкретного познания на данном этапе творчества К. Маркса.

Неосознаваемое, вырабатываемое пока еще только на объективном уровне новое понимание истории и общественных явлений, а следовательно и новое понимание взаимосвязи философских идей и конкретно-научного познания по мере своего внутреннего развития и вызревания рано или поздно должно было как-то проявить себя на уровне субъективной рефлексии. Именно это и проявилось в критическом переосмысливании Марксом философии Гегеля и его обращении к материализму Фейербаха. Однако, поскольку именно в процессе революционно-практической деятельности Маркса и конкретных исследований им общественной жизни (в период работы в «Рейнской газете») объективно вызревало в непосредственной связи с этими факторами и новое философское понимание общественных явлений, то процесс выработки материалистического миропонимания

не был чисто философским переосмысливанием философии Гегеля и Фейербаха, а был с самого начала генетически единым с процессом конкретного исследования социальной действительности. Верно отмечает Г. А. Багатурия, что «не различные теоретические влияния, а именно первое серьезное столкновение Маркса с материальной действительностью во время его работы в качестве редактора *«Rheinische Zeitung»* явилось решающей причиной его перехода к материализму» [5, с. 114—115]. Стало быть, сознательному переходу К. Маркса на позиции материализма предшествуют не только и не столько чисто философские влияния со стороны материалистического учения Фейербаха, сколько конкретные исследования социальной действительности в органической связи с философским осмыслением в этом процессе социальных феноменов. Как отмечает В. С. Нерсисянц, «в процессе исследования взаимоотношения частного интереса и права для К. Маркса все очевиднее становится мысль о практической несостоятельности идеалистических (в том числе гегелевских) положений о первичности и определяющем характере идей права, разума и свободы, поскольку государственно-правовая практика, отвергая их, знает лишь право частного интереса» [10, с. 143].

Проведение на осознанном уровне философской рефлексии материалистического понимания природы государства и права, естественно, предполагает критическое преодоление старой философской методологии, которая первоначально господствовала на субъективном уровне философской рефлексии. Вот почему под непосредственным влиянием практической деятельности и конкретного познания социальной действительности К. Маркс обращается сначала не к углубленному исследованию структуры гражданского общества и отношений собственности, что достигается политэкономическим исследованием, а сочетает конкретный анализ пока лишь политико-правовых феноменов, государственно-правовой практики с критическим преодолением на уровне субъективной философской рефлексии гегелевского идеализма в понимании природы права, государства и характера взаимосвязи философского и конкретного познания.

На первом этапе работы над Рукописью 1843 г. (а таких этапов было два — см.: 8, с. 200—201) К. Маркс берет в качестве исходной «клеточки» своего анализа соответствующий параграф гегелевской философии права, где рассматриваются во взаимосвязи государство, гражданское общество, семья и конкретный индивидум. У Гегеля дух государственности восходит через индивидов, семью, гражданское общество и воплощается в государстве, т. е. государство (как дух) порождает эмпирических семью, индивидов и государство. Маркс, как уже было показано, иначе выразил эту взаимосвязь в контексте своих конкретных исследований. Он потому и обращается к ма-

териализму Фейербаха, что тот оказался «созвучным» его (Маркса) собственным объективно сделанным, но еще не осознанным в общей форме конкретным выводам. Результатом всего явилась новая субъективная философская рефлексия, а именно: Маркс осуществляет «переворачивание» субъекта и предиката, подобно фейербаховскому и заключает: «Разум государства не имеет, следовательно, никакого отношения к распределению материала государства между семьей и гражданским обществом. Государство возникает из них бессознательным и произвольным образом. Семья и гражданское общество являются как бы темной природной основой, из которой возгорается светоч государства» [1, т. 1, с. 223].

Ко второму этапу работы над Рукописью 1843 г. Маркс приступает после конкретно-исторического исследования громадного по объему материала («Крейцнахские тетради»). Как показал советский исследователь В. Г. Мосолов, в центре «Крейцнахских тетрадей» — анализ связи отношений собственности и политических учреждений, экономическая основа классовых интересов, роль экономических факторов в социальных конфликтах [9]. Таким образом, первоначальная мысль о том, что семья и гражданское общество порождают государство, получает у Маркса и свое обоснование, и свое дальнейшее развитие. Стало быть, и на этом этапе возникновения материалистического миропонимания оно оказывается генетически взаимосвязанным с конкретно-научным процессом.

Наряду с осознанной формулировкой важнейших элементов материалистического понимания истории в Рукописи 1843 г. К. Маркс критически преодолевает на уровне осознанной философской рефлексии гегелевское понимание взаимосвязи философского и конкретно-научного познания, делая вывод, что задача истинного научного познания заключается прежде всего в познании самого специфического предмета и только на основе такого специфического, конкретного познания, в контексте такого исследования можно ставить вопрос о постижении философского аспекта той или иной проблемы. Мысль о том, что невозможна более самостоятельная философия, познающая логику действительности вне специфического, конкретного познания этой действительности, получила свое развитие и подкрепление в дальнейшем. Так, в письме Руге (сентябрь 1843 г.) К. Маркс заявляет: «Между тем, преимущество нового направления как раз в том и заключается, что мы не стремимся догматически предвосхитить будущее, а желаем только посредством критики старого мира найти новый мир» [1, т. 1, с. 379]. Можно лишь согласиться с Т. И. Ойзерманом, который увидел в приведенных высказываниях К. Маркса «единство философии с практикой, с одной стороны, и с положительными науками — с другой» [11, с. 232].

Таким образом, просматривается следующая диалектика объективного и субъективного уровней взаимосвязи философского и конкретного познания на раннем этапе творчества К. Маркса. Работая в «Рейнской газете», К. Маркс сталкивается с материальной действительностью, что вынуждает его к конкретному анализу ее. Исследуя реальные социальные феномены, в частности отношения между государством, правом и частными интересами, К. Маркс в органической связи с таким конкретным анализом фактически реализует определенную философскую методологию (материалистически решает вопрос о сущности права и государства, о характере взаимосвязи философского и конкретного познания). Реализация материалистической философской методологии в конкретном исследовании происходит первоначально лишь на объективном уровне, поскольку данная философская методология не осознается. Рассуждая о природе государства и права вообще, вне связи с конкретными фактами, К. Маркс идеалистически выводит эту природу из идеи всеобщего разума, частные интересы подчиняет всеобщему интересу государства, а конкретное познание — философскому познанию, постигающему разум в конкретных явлениях и вещах. Стало быть, на уровне осознанной философской рефлексии просматривается идеалистический характер понимания взаимосвязи философского и конкретного познания, в то время как на объективном уровне фактически осуществляется взаимосвязь конкретного познания с материалистической философией, с материалистической методологией. Как это было показано, на определенном этапе творчества К. Маркса (работа над Рукописью 1843 г.) объективный уровень взаимосвязи философского и конкретного познания привел в соответствие с собой уровень субъективной рефлексии, что отразилось в осознанном изображении объективно реализованной взаимосвязи философского и конкретного познания. Это означает, что, начиная со второго этапа работы над Рукописью 1843 г. [8, с. 203], К. Маркс уже сознательно руководствуется материалистическим мировоззрением и методологией при анализе общественно-исторических фактов, в то время как ранее они реализовались в конкретном познании лишь на объективном уровне. Таким образом, как показало это исследование, развитие взаимосвязи философского и конкретного познания на объективном уровне неизбежно приводит к осознанию этой объективной взаимосвязи, к осознанному ее выражению на уровне субъективной рефлексии и сознательной реализации ее (взаимосвязи) в последующем творчестве. Последний вывод существенно важен в плане выявления тенденции, направленности эволюции диалектики объективного и субъективного уровней взаимосвязи философского и конкретного познания, т. е. тенденции эволюции меха-

низма взаимосвязи объективно и субъективно представляемой методологии научного познания мира.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Брежнев Л. И. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. — Правда, 1981, 24 февр. 4. Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года. — Правда, 1981, 5 марта. 5. Багатурия Г. А. Первое великое открытие Маркса. — В кн.: Маркс — историк. — М.: Наука, 1968, с. 107—173. 6. Вазюлин В. А. Становление метода научного исследования К. Маркса. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975.—222 с. 7. Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. 7. — М.-Л., 1934. 8. Лапин Н. И. Молодой Маркс. — М.: Политиздат, 1976.—415 с. 9. Мосолов В. Г. Изучение К. Марксом всемирной истории в 1843—1844 гг. как один из источников формирования материалистического понимания истории. — В кн.: Маркс — историк. — М.: Наука, 1968, с. 85—106. 10. Нерсисянц В. С. Гегелевская философия права. — М.: Наука, 1974.—288 с. 11. Ойзерман Т. И. Формирование философии марксизма. — М.: Мысль, 1974.—576 с.

Поступила в редколлегию 12.03.81.

В. В. БУКРЕЕВ, В. В. ШКОДА, канд. филос. наук

МНИМЫЙ ИСТОРИЗМ «ИСТОРИЧЕСКОЙ» ШКОЛЫ (К КРИТИКЕ ЭВОЛЮЦИОННЫХ КОНЦЕПЦИЙ В «ФИЛОСОФИИ НАУКИ»)

В докладе Л. И. Брежнева на XXVI съезде КПСС отмечалось, что в последние годы заметно обострилась идеологическая борьба. То, что «наши классовые противники учатся на своих поражениях», действуют все более изощренно [1, с. 9] следует, на наш взгляд, понимать не только в контексте текущих политических событий. Изощренность проявляется, например, и в том, что в решении специальных философских проблем противопоставление марксистскому подходу явно идеалистических и метафизических концепций уступает место провозглашению единства понимания — единства, разумеется, мнимого. Не следует, конечно, упрощать дело, представлять его так, будто рассмотрение специальных философских вопросов в рамках немарксистских концепций всякий раз преследует сознательное искажение истины. Но нельзя и считать совершенно независимыми явления в сфере специальных философских исследований от конкретных условий идеологического противоборства. В конечном итоге коллизии идеологической борьбы находят свое проявление в самых узких сферах общественнознания в виде вполне определенных тенденций.

Фраза из «Немецкой идеологии» К. Маркса и Ф. Энгельса: мы знаем только одну-единственную науку, науку истории — при всей ее внешней парадоксальности может служить точной характеристикой своеобразия научно-познавательного процесса в XX в. Действительно, историзм стал неотъемлемой чертой современного научного мышления. Не случайно поэтому появле-